

Комната 1407

Не отвечай, когда стучат в 03:13

DANOBY

18+

Даноеу Даноеу

Комната 1407

<https://litres.ru/74667388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он прилетел в Паттайю к девушке, которую любит. Отель у моря, тёплые ночи, её смех — и номер 1407, где ровно в 03:13 кто-то тихо стучит в дверь и спрашивает: «Кто там?» Местные знают правила: нельзя отвечать. Нельзя открывать. Нельзя верить тому, что отражается в воде. Но в этом номере правила уже однажды нарушили — и кто-то до сих пор ждёт. Мистика тайских духов, страх, от которого дрожат руки, и любовь, которая оказывается сильнее любой тьмы. История о том, как далеко можно зайти ради человека, которого любишь, — и что бывает, когда ты наконец отвечаешь на вопрос «Кто там?».

Содержание

Глава 1. Комната 1407	5
Глава 2. Та, что ждёт	24
Глава 3. Холодная комната	40
Глава 4. Две Нои	60
Глава 5. Столик на троих	76
Глава 6. Что прячет зеркало	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Даноеу

Комната 1407

Комната 1407

Денью

Глава 1. Комната 1407

Год.

Ровно год Нои ждала этого дня. Считала его на пальцах, в календаре телефона, в сообщениях, которые писала Денью перед сном: «ещё 200 дней», «ещё 100», «ещё 30». А теперь стояла в зале прилёта Суварнабхуми, в толпе таксистов с табличками и туристов с чемоданами, и не могла вспомнить, как дышать.

Табло мигнуло. «Москва — Бангкок. Прибыл».

Она увидела его первой.

Высокий, светлый, с рюкзаком на одном плече — он вышел из стеклянных дверей, огляделся поверх голов и тоже увидел её. И остановился. Посреди потока людей, которые обходили его с двух сторон и ругались на трёх языках.

Нои хотела побежать. Хотела закричать. Хотела хотя бы помахать рукой.

А вместо этого заплакала.

Денью бросил рюкзак прямо на пол. Прошёл через толпу, не замечая её, — и подхватил Нои на руки. Не обнял — поднял. Целиком, как ребёнка, так что её ноги оторвались от пола, а лицо оказалось у него на плече.

— Всё, — сказал он ей в волосы. — Всё, малышка. Я здесь. Я приехал.

Она не могла ответить. Только держалась за его шею так

крепко, будто он мог исчезнуть, если она хоть чуть-чуть ослабит руки.

Он не отпускал её долго. Люди обходили их. Охранник у дверей сначала нахмурился, потом отвернулся и улыбнулся в сторону.

— Ты поел? — спросила она наконец, мокрым голосом, в его футболку.

Денью рассмеялся — так, что она почувствовала это всем телом.

— Год не виделись. И первое, что ты спрашиваешь...

— Поел или нет?

— Нет.

— Тогда поставь меня. Пойдём есть.

— Не поставлю, — сказал Денью. — Ещё минуту. Я год ждал.

И не поставил.

* * *

С жильём вышла история.

Отель, который они забронировали в Паттайе ещё весной, за три дня до приезда написал: перебронирование, извините, номеров нет, деньги вернём. Нои тогда проплакала полночи — четырнадцать дней, их первые четырнадцать дней вместе, и негде жить. Подруга из ресторана скинула номер: кондоминиум у Джомтьена, сдают посуточно, хозяйка своя, дёшево.

Слишком дёшево. Нои это сразу заметила. Но в июле, в

сезон, другого не было.

* * *

Такси нашлось не сразу.

Сначала их пытался увезти улыбчивый дядька с табличкой «Pattaya 1500», потом другой, «Pattaya 1200», потом третий, который вообще не говорил цифр, а просто хватал чемодан. Нои отбила их всех — коротко, по-тайски, тем самым деловым голосом, которым на работе отвечала начальнице, — и повела Денью вниз, на первый этаж, к официальной стойке такси, где надо было взять номерок из автомата.

Денью шёл следом и смотрел на неё с восхищением.

— Ты сейчас кого-то убила?

— Нет. Просто сказала, что мы не туристы.

— А мы не туристы?

— Ты — турист, — сказала Нои. — А я — нет. И ты со мной. Значит, ты тоже нет.

Машина была старой «Тойотой» цвета выцветшего банана. Водитель — пожилой, худой, с седым ёжиком — молча загрузил чемоданы в багажник. Денью сел сзади, рядом с Нои, хотя по-хорошему ему бы влезть вперёд — ноги не помещались. Он сложился, как раскладной нож, колени упёрлись в спинку переднего сиденья, и Нои смеялась над ним первые десять минут дороги.

Над приборной панелью у водителя висело целое царство. Три маленькие фигурки Будды, приклеенные в ряд. Гирлянда из засохшего жасмина на зеркале. Связка амулетов на

красном шнурке — они покачивались и тихо постукивали друг о друга на каждой кочке. А на потолке, прямо над водителем, белой краской был нарисован какой-то узор — квадраты, буквы, точки.

— Что это? — тихо спросил Денью.

— Ёнѣ, — сказала Нои. — Янт. Защита. Монах рисует. Чтобы в дороге ничего не случилось.

— Со всеми?

— С машиной. И с теми, кто внутри.

Денью посмотрел на узор долго и внимательно. Потом — Нои заметила — едва заметно перекрестился. Как будто здоровался с чужим охранником на своём языке.

* * *

Дорога до Паттайи шла по скоростной трассе — широкой, ровной, бесконечной. Справа и слева тянулись рекламные щиты с огромными лицами: певцы, банкиры, улыбающиеся девушки с бутылками воды. Потом щиты кончились, и начались поля — плоские, зелёные, залитые водой, с белыми цаплями, стоящими на одной ноге. Небо было тяжёлым и низким. Июль. Сезон дождей.

Нои прислонилась к его плечу.

Она собиралась рассказывать. Целый год она копила, что расскажет ему в первый час: про работу, про девочек в общежитии, про новую начальницу, про кошку, которая жила у них под лестницей. А теперь сидела, прижавшись щекой к его руке, и молчала. Ей не хотелось говорить. Хотелось про-

сто чувствовать, что он настоящий. Тёплый. Пахнет самолётом и немножко собой.

Он гладил её по пальцам. Перебирал их — один за другим, как будто пересчитывал. Задержался на кольце.

—носишь, — сказал он.

—Каждый день.

—На работе нельзя же.

—В кармане, — сказала Нои. — А сегодня — на пальце. Сегодня можно.

Где-то после Чонбури пошёл дождь.

Сразу, без предупреждения, как всегда здесь бывает, — стеной. Дворники не успевали. Мир за стёклами превратился в серое пятно с размытыми красными огнями. Водитель сбросил скорость, наклонился вперёд к стеклу, и амулеты под зеркалом закачались сильнее.

Нои задремала под шум воды. Днём не спал. Смотрел на дождь, на её макушку у себя на плече, на свои руки: на левом запястье — зелёная нитка сай син, на правом — часы, тёмный экран которых отражал серое небо, — и чувствовал себя так, будто год шёл по пустыне и наконец дошёл.

* * *

Один раз водитель удивил Деню.

На длинном повороте после Си Рачи, у обочины, стояли зебры. Десятки пластиковых зебр в человеческий рост — белых, полосатых, с облупившейся краской, — тесно, плечом к плечу, вокруг маленького домика для духов, заваленного

гирляндами. Как стадо, которое кто-то остановил посреди дороги.

Водитель коротко посигналил. Два раза. Не кому-то — просто в сторону зебр. И сложил ладони у лба, не отрывая одну руку от руля.

— Что это? — шёпотом спросил Денью, когда зебры остались позади.

Нои проснулась от гудка и долго смотрела назад.

— Там кто-то погиб, — сказала она. — Здесь, на повороте. Много аварий. Люди ставят зебр, чтобы... чтобы души переходили дорогу по зебре. Безопасно. И сигналият, чтобы поздороваться. Чтобы они знали, что их видят.

— А если не посигналить?

Нои помолчала.

— Тогда они могут обидеться, — сказала она. — И пойти за тобой.

Денью посмотрел в заднее стекло. Зебры стояли неподвижно в сером дожде. Ему показалось — на секунду, — что среди них стоит кто-то ещё. Не полосатый. Тёмный. Но дождь смазал всё в одно пятно, и поворот кончился.

* * *

Водитель заговорил только на въезде в Паттайю.

Спросил что-то у Нои по-тайски — куда именно. Она назвала адрес. Название кондоминиума.

И водитель вдруг замолчал. Посмотрел на неё в зеркало заднего вида. Долго. Слишком долго для человека, который

ведёт машину под дождём.

— Этаж какой? — спросил он.

— Четырнадцатый.

— Комната?

Нои удивилась, но ответила:

— Тысяча четыреста семь.

Водитель отвёл глаза от зеркала. Ничего не сказал. Только поднял правую руку от руля и коснулся пальцами амулетов под зеркалом — быстро, легко, как трогают голову ребёнка на удачу.

У входа в кондоминиум он выгрузил чемоданы, не дав Деню к ним прикоснуться. Взял деньги. Отказался от сдачи. А когда Деню протянул ему ещё сто бат сверху — «спасибо, хорошая дорога», — водитель покачал головой и вдруг полез в бардачок.

Достал оттуда что-то маленькое. Сунул Нои в ладонь. Сжал её пальцы своими — сухими, тёплыми.

И сказал тихо, по-тайски, глядя только на неё:

— ระวังตัวด้วยนะหนู

«Береги себя, дочка».

Сел в машину и уехал. Быстро. Не оглядываясь.

Нои разжала ладонь.

Там лежал крошечный амулет — потёртая глиняная фигурка Будды в пластиковой оправе, на чёрном шнурке.

— Что он сказал? — спросил Деню.

— Чтобы я была осторожна.

— Почему?

Нои посмотрела на здание. Двадцать два этажа светлого бетона под серым небом. Мокрые пальмы у входа. Маленький золотистый домик для духов на столбе у клумбы — пыльный, с почерневшими цветами.

— Не знаю, — сказала она.

И надела амулет на шею.

* * *

Здание оказалось высоким, светлым, почти новым — двадцать два этажа, бассейн на крыше, вид на море. Хозяйка, полная женщина лет пятидесяти с золотыми браслетами, встретила их в лобби, отдала ключ-карту и почему-то очень торопилась уйти.

— Четырнадцатый этаж, комната 1407, — сказала она по-тайски, не глядя Нои в глаза. — Всё есть. Вода, полотенца. Если что — пишите в «Лайн».

— А почему так дёшево? — спросила Нои.

Хозяйка поправила браслеты.

— Не сезон для этого дома, — сказала она. И ушла, почти побежала, к своей машине.

Днём проводил её взглядом.

— Что она сказала?

— Что сейчас не сезон.

— В июле? В Паттае?

Нои пожала плечами. Ей не хотелось думать об этом. Он был здесь. Остальное не имело значения.

* * *

В лифте Деню держал оба чемодана — свой и её, — пакет с едой из «Севен», её сумку и ещё умудрялся держать её за руку.

— Дай мне хоть пакет, — сказала Нои.

— Нет.

— Ты не донесёшь.

— Донесу.

— У тебя руки заняты.

— Одна свободна, — сказал Деню и сжал её пальцы. —

Она для тебя.

Нои фыркнула и отвернулась, чтобы он не видел, как она улыбается.

— Четырнадцатый, — тихо сказала Нои, нажимая кнопку.

И поморщилась.

— Что?

— Ничего. Просто... хозяйка — китаянка, ты видел? Браслеты, красное на двери. А у китайцев «четырнадцать» звучит как «обязательно умрёшь». Они такие этажи никогда не берут себе. Сдают другим.

— А ты в это веришь?

— Нет, — сказала Нои. И посмотрела на номер на ключ-карте. «1407». Единица и четвёрка в самом начале. — Немножко.

Лифт ехал медленно. Цифры над дверью сменялись — 10, 11, 12...

И на табло мелькнуло «13».

Нои моргнула.

В тайских домах тринадцатого этажа обычно нет. Его пропускают, как пропускают несчастливые числа. После двенадцатого сразу идёт четырнадцатый — или «12А». Она видела это сотни раз. Так было в общежитии, так было в отеле.

Лифт остановился.

Двери открылись.

За ними был коридор. Тёмный. Совсем тёмный — ни одной лампы, только в дальнем конце, у окна, слабо серел вечерний свет. Пахло пылью и чем-то сладким. Жасмином. Увядшим жасмином.

Двери стояли открытыми. Никто не входил.

— Мы не нажимали тринадцатый, — тихо сказала Нои.

Денью посмотрел на панель. Кнопки «13» на ней не было. После «12» шла «14».

Он протянул руку и нажал «закреть». Двери не шелохнулись.

Нажал ещё раз.

Где-то в глубине тёмного коридора — далеко, у окна, — скрипнула дверь. Медленно. Как будто кто-то выглянул, чтобы посмотреть, кто приехал.

Денью шагнул вперёд. Встал между Нои и открытыми дверями. Чемоданы — один у ноги, другой у стены. Свободной рукой он завёл Нои себе за спину, и она почувствовала, как напряглась его спина под её ладонью.

— Не смотри туда, — сказал он спокойно. — Смотри на меня.

Она смотрела на его затылок. На светлые волосы. На зелёную нитку сай син у него на левом запястье — ту самую, которую когда-то завязал монах.

Двери лифта дрогнули — и закрылись.

Лифт поехал вверх. Тихо загорелось «14».

Они вышли в обычный, светлый коридор с ковролином и пластиковым фикусом. Днём первым делом обернулся и посмотрел на Нои — внимательно, с головы до ног, как будто проверял, вся ли она на месте.

— Ты как?

— Нормально, — соврала она.

— Врёшь, — сказал он. И притянул её к себе, прямо там, в коридоре, с чемоданами. — Ничего. Это просто старый лифт. Сбой.

— В лифте нет кнопки тринадцать.

— Значит, очень старый сбой, — сказал Денью. И поцеловал её в макушку. — Пошли. Я с тобой.

* * *

Комната 1407 оказалась в самом конце коридора.

Денью уже приложил ключ-карту, когда Нои поймала его за руку.

— Подожди.

Она подошла к двери сама. Постучала. Три раза, костяшками, негромко. Потом наклонилась к щели и сказала по-

тайски — вежливо, как говорят старшим:

— ขออภัยนะคะ. Простите, мы войдём. Мы ненадолго. Мы никого не обидим.

Днём смотрел на неё с ключом в руке.

— Это кому?

— Тому, кто там живёт, — сказала Нои. — В пустую комнату нельзя входить без стука. Особенно в отеле. Никогда не знаешь, кто там остался от прошлых гостей. Мама так учила.

Днём кивнул. Помолчал. Потом тоже постучал — три раза — и сказал по-русски, серьёзно, глядя на дверь:

— Добрый вечер. Мы с миром.

Нои фыркнула. Он открыл.

Внутри было чисто, прохладно и пусто. Большая кровать. Шкаф. Маленькая кухня. Балкон с видом на море, на котором уже зажигались огни. Всё обычное.

Только одно было странным, и Нои увидела это сразу.

Напротив кровати, во всю стену, висело зеркало.

Огромное, в тёмной деревянной раме, старое — совсем не подходящее к новой мебели. Оно отражало кровать целиком. Каждую подушку. Каждую складку на покрывале.

У тайцев нельзя ставить зеркало напротив кровати. Это знает любой ребёнок. Мама говорила ей это сто раз: душа ночью выходит из тела, видит себя в зеркале, пугается — и не может вернуться. Или кто-то другой видит тебя через зеркало, когда ты спишь.

Нои остановилась на пороге.

— Что? — спросил Денью.

— Зеркало.

Он посмотрел. Потом на неё.

— Плохо?

— Очень, — сказала Нои тихо.

Денью ничего не стал спрашивать. Не стал говорить «это суеверие». Он поставил чемоданы, подошёл к шкафу, достал запасное покрывало — большое, плотное, — и повесил им зеркало целиком. Аккуратно, чтобы ни одного уголка стекла не осталось открытым. Подоткнул края за раму.

Потом вернулся к ней.

— Так лучше?

Нои кивнула. Почему-то у неё щипало в глазах — не от страха. От того, что он даже не спросил почему.

— Ты не веришь в это, — сказала она.

— Ты веришь, — ответил Денью. — Мне этого достаточно.

* * *

Они поели прямо на полу у балконной двери — курица из «Севен», клейкий рис, её зелёный чай со льдом, его кола. Нои ела мало — она всегда ела мало, когда волновалась, — и Денью молча подкладывал ей лучшие куски. Без лука. Без чеснока. Он помнил.

— Ты похудела, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я — от тоски. А ты?

— Тоже от тоски, — сказала Нои. — И от работы.

Он взял её руку. Посмотрел на ладонь — бледную, с тонкими пальцами.

— Голова кружится?

— Иногда.

— Таблетки пьёшь?

Нои поджала губы.

Денью вздохнул. Не стал ругаться. Он вообще за этот год научился не ругаться — она это заметила. Он просто поднёс её ладонь к губам и поцеловал.

— Четырнадцать дней, — сказал он. — Четырнадцать дней ты ничего не носишь, никуда не ходишь пешком, если устала, и ешь три раза в день. Это не просьба. Это мой ультиматум.

— Ты меня не контролируй.

— Я тебя не контролирую. Я тебя люблю. Это разное. — Он подумал. — Хотя иногда похоже.

Нои рассмеялась. Впервые за весь вечер — по-настоящему.

* * *

Потом она пошла в душ, а он сказал: «Подожди».

Она стояла под горячей водой, уставшая так, что дрожали колени, — смена, такси до аэропорта, аэропорт, лифт, — и вдруг почувствовала, как сзади открылась дверца душевой.

— Денью!

— Ты еле стоишь, — сказал он серьёзно. — Я видел. По-

вернись.

Она хотела возмутиться. Хотела выгнать его. А вместо этого почему-то повернулась.

Он мыл ей волосы. Медленно, осторожно, как будто это было что-то очень хрупкое и очень дорогое. Пальцы скользили по её голове, по затылку, разминали шею — там, где за смену всегда собиралась боль. Шампунь пах кокосом. Вода шумела. Нои закрыла глаза и прислонилась к нему спиной, и ей было так хорошо, что хотелось плакать во второй раз за день.

— Год, — прошептала она.

— Год, — согласился он. Его руки перешли на её плечи. Потом ниже, на спину. Тёплые, сильные, уверенные. — Я каждую ночь думал, как это будет. Вот так. Просто — ты рядом. Не в экране.

— И как?

— Лучше, — сказал он ей в ухо. — Намного лучше.

Она обернулась.

И пар, и вода, и его руки, и его губы — всё смешалось.

Он целовал её так, будто год копил эти поцелуи и теперь отдавал все сразу. Жадно. Глубоко. Не давая вдохнуть. А она отвечала так, будто год училась этому по ночам, глядя в потолок общежития и представляя именно это — его, мокрого, горячего, настоящего, его руки на своей коже. Она вцепилась пальцами ему в волосы и потянула к себе — ещё ближе, хотя ближе было некуда.

Он развернул её и прижал спиной к кафельной стене. Холодная плитка — сзади. Он — горячий — спереди. Она ахнула от этой разницы, и он поймал этот вздох губами. Его ладони скользили по её телу под струями воды — по плечам, по спине, по талии, ниже, — уверенно, медленно, как будто он год составлял карту и теперь проверял каждую линию. Её колени подогнулись. Он подхватил её — легко, одним движением, — и она обхватила его ногами, повиснув на нём, и вода лилась на них обоих, и она уже не понимала, где кончается вода и начинается он.

— Днём... — выдохнула она ему в шею.

— Год, — прошептал он ей в губы. — Год, малышка. Я год этого ждал.

Он вынес её из душа на руках. Мокрую, не вытирая, не выпуская, оставляя на полу дорожку воды, — и она даже не подумала спорить, что дойдёт сама. Она целовала его в шею, в ключицу, в плечо, куда дотягивалась, — и он сбился с шага у самой кровати, и они упали на неё вместе, смеясь и задыхаясь.

Простыни были прохладными от кондиционера. А он — горячим. Весь.

Его губы — на её шее, на ключицах, ниже. Медленно. Так медленно, что она начала злиться и тянуть его к себе за плечи, а он смеялся ей в кожу и не торопился, назло, потому что год — это слишком долго, чтобы спешить. Её ногти у него на спине. Её шёпот на тайском — сбивчивый, горячий, слова,

которых нет ни в одном учебнике, — и он понимал каждое. Его имя. Снова. И снова. И снова — так, как она никогда не произносила его ни в одном видеозвонке.

Год расстояния сгорел за одну ночь. До пепла. До самого последнего сантиметра.

* * *

Где-то внизу, во дворе, завывала собака.

Потом вторая. Потом третья. Долго, протяжно, на одной ноте — так воют собаки, когда видят то, чего не видят люди. Нои сквозь сон услышала этот вой и, не просыпаясь, прижалась к Деню крепче.

Нои проснулась от стука.

Сначала она не поняла, где она. Темно. Прохладно. Чужой потолок. Потом почувствовала его руку у себя на талии, его дыхание в волосах — и вспомнила. Улыбнулась в темноте.

И тут стук повторился.

Тук. Тук. Тук.

Три удара. Медленных. Ровных.

В дверь.

Нои замерла.

Телефон на тумбочке светился: 03:13.

Тук. Тук. Тук.

— Деню, — шёпотом. — Деню...

Он проснулся сразу. Так, как просыпаются люди, которые спят чутко. Сел. Посмотрел на неё, потом на дверь.

Тук. Тук. Тук.

— Кто там? — громко спросил он по-английски.

Тишина.

А потом из-за двери — тихо, нежно, совсем близко, у самой щели — раздался голос. Женский. Молодой. На тайском.

— Дорогой... — позвал он. — Открой. Это я. Я вернулась. Я же говорила, что вернусь.

Нои вцепилась в его руку.

Это был не её голос. Это был чужой голос. Но звал он не её.

Он звал Денъю.

— Открой, — повторил голос, и в нём появились слёзы. — Ты же обещал, что будешь ждать. Ты обещал. Почему ты пустил её? Кто она?

Денъю медленно встал с кровати. Нои схватила его за запястье — за то, где сай син.

— Не открывай, — прошептала она. — И не отвечай. Только не отвечай. Если ответишь — она запомнит твой голос.

Он посмотрел на неё. Кивнул. Не пошёл к двери.

Он сделал другое — сел обратно на кровать, спиной к двери, лицом к Нои, и притянул её к себе. Обнял. Целиком, вместе с одеялом. Закрыв собой.

— Я здесь, — сказал он тихо, только ей. — Слышишь? Я никуда не пойду. Пусть стучит.

Тук. Тук. Тук.

— Дорогой... — заплакал голос за дверью. — Ну пожалуйста...

Денью начал шептать что-то. На русском. Ровно, тихо, не останавливаясь. Нои не понимала слов. Но она знала — это его молитва. Та, которую он читает каждый вечер, сложив руки, когда думает, что она не видит в видеозвонке.

И она — сама не зная почему — сложила ладони у груди и начала шептать свою. Ту, которой учила её мама.

Две молитвы. Два языка. Одна темнота.

Стук прекратился.

Тишина.

Долгая, звенящая тишина.

А потом с той стороны комнаты, у стены, раздался тихий звук. Шорох ткани.

Нои медленно, очень медленно повернула голову.

Покрывало, которым Денью завесил зеркало, лежало на полу.

А в зеркале, в темноте, отражалась кровать. Они двое — обнявшиеся, неподвижные.

И третья фигура. У изножья кровати. Женская. С длинными мокрыми волосами, закрывающими лицо.

Она стояла в отражении — там, где в комнате не было никого.

И смотрела не на Денью.

На Нои.

Глава 2. Та, что ждёт

Утро пришло так, будто ночи не было.

Солнце било в балконную дверь. Внизу шумело море, кричали продавцы, где-то сигнализировал мотоцикл. Покрывало лежало на полу у зеркала. А в зеркале отражалась самая обычная комната — неубранная кровать, два чемодана, пакет из «Севен» на полу.

И они двое. Только они.

Нои не спала с трёх часов. Деню — тоже. Он так и просидел до рассвета, обнимая её, спиной к зеркалу, лицом к ней, и ни разу не разжал рук. Когда за окном посветлело, она наконец задремала у него на груди — минут на сорок, не больше.

Проснувшись от того, что он гладил её по голове.

— Доброе утро, — сказал он. Голос был хриплым. Глаза — красными.

— Ты не спал.

— Немного.

— Врёшь.

— Совсем чуть-чуть вру, — согласился Деню. — Есть хочешь?

Нои посмотрела на зеркало. Потом на него.

— Деню. Ты видел?

Он помолчал. Потом кивнул.

— Видел.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, что ты была права насчёт зеркала, — сказал он. — И что я больше никогда не буду спорить с тобой о таких вещах. — Он помолчал, и лицо у него стало жёстким. — И ещё я думаю, что нам надо узнать, кто она. Потому что она смотрела на тебя. А на тебя так смотреть я не разрешаю никому. Даже мёртвым.

* * *

Соседка жила напротив — в 1408.

Нои заметила её ещё вчера: маленькая, сухая старушка в цветастом саронге, которая стояла в приоткрытой двери, когда они шли по коридору с чемоданами, и смотрела им вслед. Тогда Нои подумала — просто любопытная бабушка.

Теперь старушка открыла им сразу, как будто ждала.

Посмотрела на Нои. На Деню. На его покрасневшие глаза.

— Стучала? — спросила она по-тайски.

Нои кивнула.

Старушка вздохнула, отступила в сторону и впустила их.

Её звали бабушка Бунма. Она жила в этом доме с тех пор, как его построили, — одиннадцать лет. В её комнате пахло благовониями, на полке стоял маленький алтарь с фигуркой Будды и фотографией мужа, а на двери изнутри висели три белые нитки, завязанные узлом.

Она налила им чаю. Себе. Нои. Деню — тоже, хотя он не

понимал ни слова.

А потом рассказала.

* * *

Девушку звали Пим.

Восемь лет назад она снимала 1407. Молоденькая, из Исана, как Нои. Работала в баре на Уокинг-стрит. Красивая, весёлая, со смехом, который был слышен на весь этаж.

А потом у неё появился фананг.

Высокий, светлый. Из какой-то холодной страны — бабушка Бунма не помнила, из какой. Он приехал в отпуск на две недели, а остался на три месяца. Они жили в 1407 вместе. Он носил ей пакеты с рынка. Встречал после смены. Бабушка Бунма часто видела их на балконе — как они стоят, обнявшись, и смотрят на море.

Потом он уехал. Сказал: «Я вернусь. Жди меня».

Пим ждала.

Месяц. Два. Полгода. Год. Она перестала ходить на работу. Перестала выходить из комнаты. Каждый вечер стояла на балконе и смотрела на море, откуда прилетают самолёты. Каждую ночь писала ему сообщения. Он перестал отвечать на втором месяце.

— Она говорила: «Он обещал», — сказала бабушка Бунма. — Каждый день. «Он обещал. Он вернётся».

Через три года её нашли в ванной. В три часа тринадцать минут ночи соседи снизу услышали, как льётся вода через потолок. Дверь пришлось ломать.

На зеркале напротив кровати — тогда оно уже висело там, Пим купила его на рынке старых вещей, — губной помадой было написано: «Я жду».

— Хозяйка хотела снять зеркало, — сказала бабушка Бунма. — Двое рабочих пришли. Один упал с лестницы и сломал руку. Второй отказался заходить. Так оно и висит.

Нои переводила Денью шёпотом. Голос у неё дрожал.

— С тех пор, — продолжала старушка, — она стучит. Каждому мужчине, который живёт в этой комнате. Особенно — светлому, высокому. Иностранцу. Она думает, что это он. Что он вернулся. Что она дождалась.

Она перевела взгляд с Денью на Нои. Долго смотрела на неё — на её бледное лицо, на тонкие руки, на кольцо.

— А девушек, которые приходят с ними, она не любит, — сказала бабушка Бунма тихо. — Она думает, что это они его у неё украли.

Помолчала.

— Ни одна девушка, — сказала она, — не прожила в этой комнате дольше семи дней.

Нои не смогла это перевести.

Она сидела, вцепившись в чашку, и молчала. Денью посмотрел на неё — и понял без перевода.

— Что она сказала?

— Ничего.

— Нои.

Она сглотнула.

— Она сказала... что ни одна девушка не прожила там больше семи дней.

Днём помолчал.

— Уехали? — спросил он. — Или...

Нои спросила. Бабушка Бунма ответила одним словом и отвернулась к алтарю.

— Разные, — перевела Нои, и голос у неё сорвался. — Кто-то уехал. Одну увезли в больницу. Она ходила во сне. Её поймали на балконе. Она перелезла через перила и стояла снаружи. И говорила: «Ухожу, ухожу. Он твой».

* * *

— Она — ผีตายโหง, — сказала бабушка Бунма и понизила голос, как будто стены могли подслушать. — Те, кто умер не своей смертью. Внезапно. В воде, в огне, на дороге. Таких нельзя отпустить простым подношением. Они злее всех. Сильнее всех. И они не знают, что умерли. Они думают, что всё ещё ждут.

Нои перевела. Днём слушал, не перебивая.

Бабушка Бунма дала им совет. Даже не один — целый список, загибая сухие пальцы. Так, как учат детей.

Не свистеть после заката — свистом зовут духов.

Не стричь ногти ночью.

Не оставлять одежду сушиться на балконе на ночь — духи её надевают. Если утром одежда мокрая, а дождя не было, — её надо сжечь, а не носить.

Не спать головой на запад — на запад кладут мёртвых.

Не говорить вслух её имя после полуночи.

Но главных было три.

Первое — никогда не отвечать на стук после полуночи. Если зовут по имени — не откликаться с первого раза. Живые зовут дважды и трижды. Мёртвые часто зовут один раз и ждут. Даже если голос знакомый. Особенно если знакомый.

Второе — у входа в дом стоит спиритический домик, ศาลพระภูมิ. Зброшенный. Цветы на нём засохли, подношений нет давно — хозяйка экономит. Надо отнести туда еду, цветы, зажечь благовония. Попросить разрешения пожить. Попросить защиты.

Третье бабушка сказала, повернувшись к Деню и глядя ему прямо в глаза, как будто он мог понять её без перевода:

— Не оставляй её одну. Ни днём, ни ночью. Она ждёт, когда девочка останется одна.

Нои перевела. Шёпотом.

Деню ничего не ответил. Только взял её руку — и больше в тот день не отпускал.

* * *

И тут случилась проблема, о которой Нои старалась не думать с самого утра.

Семь дней из четырнадцати ей надо было работать. Начиная с завтра.

Её отпуск — семь дней — выпадал на середину его поездки. А до него и после — практика: смены в ресторане отеля, с семи утра до трёх дня. Сначала несколько дней смен, потом

её неделя отпуска — их неделя, — а потом снова смены, до самого его отъезда. Она узнала об этом месяц назад и проплакала весь вечер, а Деню сказал: «Ничего. Я буду встречать тебя. Буду ждать у входа. Будем вместе каждый вечер».

Это было до лифта. До стука. До зеркала.

— Я не пойду, — сказала Нои, когда они вернулись в комнату. — Я возьму больничный.

— Тебя уволят.

— Пусть.

— Нои. — Деню сел перед ней на корточки, взял её руки. — Это твоя практика. Твой диплом. Ты год туда ходила. Из-за меня ты ничего не потеряешь. Я этого не допущу.

— А если я там буду одна и она...

— А ты не будешь одна, — сказал он. — Я пойду с тобой.

Нои моргнула.

— Куда?

— На работу. Буду сидеть в кафе у вашего лобби. Восемь часов. С книжкой. Ты будешь знать, где я, а я буду видеть тебя через стекло — как тогда, помнишь? — Он улыбнулся. — В обед вынесешь мне кофе. Вечером поедем домой вместе.

— Ты будешь сидеть там восемь часов? Каждый день?

— Семь смен, — сказал Деню. — Я сидел год. Семь смен — ерунда.

Нои посмотрела на него долго.

Потом обняла его за шею так резко, что он чуть не упал с корточек.

* * *

Вечером они пошли к домику для духов.

Он стоял у самого входа в кондоминиум, на столбе, у клумбы — маленький золотистый домик с острой крышей, весь в пыли. На крошечной площадке перед ним лежали засохшие, почерневшие гирлянды. Пустой стакан. Блюдец с чем-то давно сгнившим.

Нои выбрала на рынке всё, что нужно: свежую гирлянду из жасмина, бутылку красной фанты — духи любят сладкое и красное, так говорила мама, — клейкий рис, бананы, благовония.

Денью нёс пакеты.

Всё. Оба пакета, её сумку, бутылку воды — которую она, разумеется, не пила, — и ещё одну гирлянду, запасную. Нои пыталась забрать хоть что-нибудь, и он каждый раз отводил руку.

— Ультиматум, — напоминал он. — Ты ничего не носишь.

— Это для духов. Я должна сама.

— Сама и поставишь. А донесу — я.

Она убрала старые цветы. Протёрла площадку салфеткой. Поставила всё по порядку. Зажгла благовония — нечётное число, как велела бабушка Бунма, девять палочек, — и воткнула их в банку с песком перед домиком. Встала на колени, сложила ладони и долго шептала: «Простите, что пришли без спроса. Мы здесь только на четырнадцать дней. По-

жалуйста, защитите нас. Пожалуйста, защитите его».

Денью стоял рядом. Потом — Нои не ожидала — тоже опустился на колени. На асфальт, рядом с ней. Не стал складывать ладони по-тайски — он перекрестился, тихо, по-своему. И тоже что-то прошептал.

— Что ты сказал? — спросила она потом.

— Попросил того, кто здесь хозяин, присмотреть за тобой, когда я не вижу, — сказал он. — Неважно, на каком языке. Думаю, он понял.

* * *

Ночью он массировал ей ноги.

Она лежала поперёк кровати, головой на подушке, а он сидел у неё в ногах и разминал ступни — медленно, сильно, от пятки к пальцам. Завтра в семь утра на работу. Восемь часов на ногах. Она стонала от удовольствия в подушку и угрожала, что, если он остановится, она его убьёт.

— Ты сегодня угрожала мне четыре раза, — сказал Денью.

— Пять.

— Пять. Я считаю.

— Зачем?

— Чтобы знать, сколько раз ты меня любишь, — сказал он. — У тайских девушек угроза — это «я тебя люблю». Я выучил.

Нои засмеялась в подушку.

Зеркало было завешено. Дверь — заперта на два замка и цепочку. На ручке висела белая нитка, которую дала бабуш-

ка Бунма. На тумбочке — чашка с водой и щепоткой соли, на всякий случай.

Нои заснула под его руками, не дождавшись полуночи.

* * *

Ей снился сон.

Тёплая вода. Много тёплой воды — по щиколотку, по колено, по пояс. И чьи-то руки в её волосах. Женские, мягкие, ласковые. Кто-то заплетал ей косу и шептал в ухо — нежно, как старшая сестра:

«Он мой. Ты же знаешь. Он вернулся ко мне. Уходи, девочка. Уходи домой, к маме. Здесь тебе холодно. Иди. Иди к окну. Там тепло. Там море».

И она шла. Ей было совсем не страшно. Вода была тёплой, руки — мягкими, голос — добрым. Она шла к окну, к морю, к теплу, и ей казалось, что так правильно. Что так и надо. Он ведь и правда не её. Он ведь уедет. Все уезжают. Лучше уйти первой.

«Вот так, — шептал голос. — Ещё шаг. Ещё чуть-чуть. Перелезь — и будет совсем тепло».

Под ладонями было что-то холодное и гладкое. Металл. Ветер вдруг ударил в лицо — сырой, солёный, настоящий.

И кто-то закричал её имя.

Не голосом из сна. Его голосом. Хриплым, страшным, сорванным — так, как она никогда не слышала, чтобы он кричал:

— НОИ!

* * *

Днём проснулся в ту же секунду, как она встала.

Он всегда так просыпался. С детства. Мама смеялась, что у него сон, как у сторожевой собаки: стоит кому-то в комнате пошевелиться — и он уже смотрит. А за этот год, когда Нои засыпала на видеозвонках посреди фразы, он привык просыпаться даже от того, что у неё на экране менялось дыхание.

Матрас качнулся. Простыня рядом стала пустой и холодной.

Он открыл глаза.

Нои шла по комнате. Медленно, ровно, босиком, в его футболке. Не к туалету. Не к холодильнику. К балкону. Руки висели вдоль тела, голова была чуть наклонена набок — как будто она слушала кого-то, кто идёт рядом и шепчет ей на ухо.

Балконная дверь — которую он сам запирает, сам проверял дважды — была открыта.

— Нои, — позвал он.

Она не обернулась.

Он рванулся встать.

И не смог.

Тело не слушалось. Совсем. Ни рука, ни нога, ни палец. Как будто его залили бетоном прямо в кровати. Он мог только смотреть — глаза двигались, всё остальное было мёртвым. Даже крикнуть не получалось: горло сжало, воздух входил в лёгкие тонкой струйкой и не выходил обратно.

А на грудь ему что-то легло.

Тяжёлое. Мокрое. Холодное, как вода из-под крана зимой. Он почувствовал, как просела под этим весом кровать. Почувствовал на лице капли — одна, другая, третья. И что-то коснулось его щеки. Мягкое. Длинное.

Волосы.

Мокрые чёрные волосы свешивались ему на лицо сверху. Кто-то сидел у него на груди. Кто-то наклонялся над ним — так близко, что он чувствовал запах. Увядший жасмин. Стоячая вода. Ржавчина.

Он не видел лица. Только волосы, и между прядями — темноту.

И голос. Прямо в ухо. Тихий, ласковый, счастливый — голос девушки, которая наконец дождалась:

— Не надо. Не ходи за ней. Она уходит. Пусть уходит. Ты вернулся ко мне. Ты остаёшься. Я так долго ждала. Лежи. Лежи со мной.

Нои уже стояла у перил. Он видел её через открытую дверь — силуэт на фоне огней. Видел, как она взялась руками за металл. Как подняла ногу.

Днём закричал. Внутри. Беззвучно. Со всей силы, какая у него была.

На правом запястье завибрировали часы — раз, другой, третий, — и краем глаза он увидел, как экран вспыхнул красным. Пульс: 171. Предупреждение. Часы видели, что его сердце сейчас разорвётся. А он не мог даже повернуть руку,

чтобы на них посмотреть.

Тело не ответило.

Тогда он сделал единственное, что мог.

Он начал молиться. Не губами — губы не двигались. Головой. Сердцем. Теми словами, которые знал с детства, которые бабушка шептала над его кроваткой, которые он читал каждый вечер этот год, глядя на её фотографию. Быстро, яростно, раз за разом, как бьют кулаком в запертую дверь.

Тяжесть на груди дрогнула.

Голос у уха зашипел — не по-человечески, как вода на раскалённой сковороде.

Запястье обожгло. Будто к коже приложили раскалённую проволоку. Сай син — зелёная нитка монаха — горела у него на руке, и он почувствовал, как она натянулась, натянулась...

И лопнула.

В ту же секунду тело вернулось к нему. Всё сразу, целиком, как будто кто-то отпустил горло.

Он не помнил, как слетел с кровати. Как пересёк комнату — четыре шага, три, два. Помнил только её спину по ту сторону перил, её босую ногу над пустотой и собственный голос — хриплый, сорванный, чужой:

— НОИ!

* * *

Она открыла глаза.

Внизу, очень далеко, светились огни Джомтьена. Ветер трепал волосы. Под босыми ногами был узкий бетонный

край — по ту сторону перил. Её руки держались за перила сзади. Одна нога уже висела над пустотой.

Четырнадцать этажей.

Она не успела даже испугаться.

Потому что в ту же секунду две руки обхватили её поперёк талии — сзади, через перила, железной хваткой, — и рванули на себя. Она перелетела через металл спиной вперёд, как кукла, и упала — не на плитку балкона. На него.

Днём рухнул на пол вместе с ней, прижимая её к себе обеими руками, и откатился от перил, подальше, к самой двери, не разжимая рук.

— Держу, — выдохнул он. — Держу. Держу. Я держу тебя.

Она не могла дышать. Не могла говорить. Её трясло так, что стучали зубы.

Он сел, не выпуская её. Затащил к себе на колени, целиком, завернул в свои руки, прижал её голову к груди. Сердце у него колотилось так, что она слышала его ухом — быстро, бешено.

— Ты встала — я проснулся сразу, — говорил он быстро, хрипло, в её волосы. — Сразу, слышишь? А встать не смог. Она сидела на мне. Не давала. А ты шла к окну и улыбалась. «Ухожу, ухожу». Нои, ты улыбалась. А я лежал и не мог даже крикнуть.

— Она сказала... — Нои всхлипнула. — Она сказала, что ты её. Что ты к ней вернулся. Что мне надо уйти.

Днём замер.

Потом взял её лицо в ладони — обеими руками — и повернул к себе. Глаза у него были мокрыми. И страшными. Она никогда не видела у него таких глаз.

— Послушай меня, — сказал он тихо. По слогам. — Я — твой. Не её. Не чей-то ещё. Твой. Я прилетел через семь тысяч километров не к какой-то мёртвой девушке. К тебе. Ты слышишь?

Она кивнула.

— Скажи.

— Ты мой, — прошептала Нои.

— Ещё.

— Ты мой.

— Вот так, — сказал он. И поцеловал её в лоб — долго, крепко, как ставят печать. — Если она ещё раз скажет тебе другое — она врёт. Она умерла и врёт. А я живой и не вру. Никогда.

Он поднял её на руки. Встал. Внёс в комнату, ногой захлопнул балконную дверь, повернул замок. Уложил на кровать, завернул в одеяло до подбородка. Лёг рядом — не под одеяло, а поверх, между ней и окном. Спиной к балкону. Лицом к ней.

— Спи, — сказал он. — Я не сплю.

— Ты не можешь не спать четырнадцать дней.

— Посмотрим, — сказал Деню.

Тогда она и заметила его запястье.

Зелёная нитка сай син — та, которую когда-то завязал мо-

нах, та, на которую он загадал девушку из Таиланда, та, которую он не снимал ни разу, — висела разорванной. Два конца. Мокрые. Почерневшие. Лопнула там, на кровати, — в ту секунду, когда он вырвался.

Как будто она приняла на себя что-то. Вместо них.

А на стекле запертой балконной двери — с внешней стороны, на уровне её лица, — медленно стекал вниз отпечаток мокрой ладони.

Маленькой. Женской.

Той, что вела её к перилам. И не довела.

Глава 3. Холодная комната

Будильник зазвонил в шесть.

Нои не спала. Она лежала с открытыми глазами с той самой минуты, как Деню перенёс её с балкона на кровать, и смотрела, как за шторами медленно светлеет небо. Он тоже не спал. Он лежал поверх одеяла, между ней и окном, и держал её руку. Всю ночь. Каждый раз, когда она шевелилась, его пальцы сжимались чуть крепче.

Когда будильник зазвонил, он выключил его раньше, чем она успела протянуть руку.

— Не ходи, — сказал он.

— Надо.

— Позвони и скажи, что заболела.

— Это практика, — сказала Нои. — Если я пропущу день, мне не засчитают месяц. Тогда всё, что я делала год, — зря.

Деню долго смотрел на неё. Она видела, как он хочет спорить. Как у него сжимается челюсть.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда я тебя одеваю.

— Что?

— Ты еле сидишь. Я тебя одеваю. Сиди.

И одел. Сам. Натянул на неё рабочее голубое поло, застегнул пуговицы у ворота, сосредоточенно, как будто чинил что-то важное. Завязал сзади чёрный фартук. Расчесал ей волосы — неумело, дёргая, так что она ойкала, — и собрал в

хвост её резинкой. Хвост получился кривым. Нои посмотрела в зеркало в ванной и рассмеялась — впервые с трёх часов ночи.

— Это ужасно.

— Это с любовью, — сказал Денью. — Переделать?

— Нет, — сказала она. — Оставлю.

Потом он сделал ей зелёный чай со льдом — сладкий, без молока, как она любит, — и стоял над ней, пока она не выпила половину. Потом заставил съесть два тоста. Потом проверил, что амулет водителя висит у неё на шее, под блузкой. Потом проверил ещё раз.

Зеркало напротив кровати было завешено двумя покрывалами. Он прибил края к раме гвоздями, которые выпросил вечером у охранника.

* * *

Скутер он взял в аренду ещё вечером — у лавки напротив кондоминиума, где хозяин, толстый весёлый дядька в майке с Манчестер Юнайтед, сдавал их десятками. Красная «Хонда Клик», поцарапанная, но бодрая, и два шлема.

Утром Денью первым делом надел шлем на неё.

Сам. Аккуратно убрал ей волосы, чтобы не прищемить. Застегнул ремешок под подбородком — проверил пальцем, не туго ли. Потом постучал костяшкой по пластику сверху, как стучат в дверь.

— Есть кто дома?

— Нет, — сказала Нои из-под шлема. — Ушла на работу.

Он засмеялся и сел за руль. Она устроилась сзади. Обхватила его руками за талию — крепко, всем телом, прижалась щекой к его спине.

— Держишься?

— Держусь.

— Крепче.

Она держалась крепче. Он чувствовал, как стучит её сердце — у себя между лопаток.

Утренняя Паттайя проносилась мимо — мокрая после ночного дождя, пахнувшая жареным мясом, мусором и морем. Продавцы раскатывали тележки. Монахи в оранжевом шли босиком вдоль обочины с чашами для подаяний. Возле каждого дома — маленький домик для духов, с цветами, с бутылками красной фанты, с крошечными фигурками слонов.

У каждого — свежие цветы.

У их кондоминиума — почерневшие.

Денью ехал медленно — медленнее всех на дороге. Его обгоняли мотобайк-такси в оранжевых жилетах, школьники по трое на одном скутере, грузовики с арбузами. Он не торопился. объезжал каждую яму. Тормозил плавно, заранее. Как будто вёз не девушку, а что-то, что может разбиться.

На светофоре у Южной Паттайи рядом с ними остановился старый мопед. За рулём — дед в соломенной шляпе, а на багажнике, в клетке, сидел петух и смотрел на Денью с подозрением. Дед тоже смотрел на Денью — на огромного свет-

лого фаранга на красном скутере, который ехал так, будто вёз корону. Потом сказал что-то Нои через дорогу и подмигнул.

Нои покраснела под шлемом.

— Что он сказал?

— Что ты едешь, как бабушка, — сказала Нои. — И что я, наверное, очень дорогая, раз меня так везут.

— Он прав, — сказал Денью. — Про тебя.

— А про бабушку?

— Про бабушку тоже, — согласился Денью. — Зато доедем.

Загорелся зелёный. Петух прокричал им вслед.

У отеля он заглушил мотор, слез первым, снял с неё шлем — сам, расстегнув ремешок, — поправил ей примятые волосы и только потом отпустил.

* * *

В лобби отеля было кафе — маленькое, с плетёными креслами, с видом на бассейн и на стеклянную стену ресторана, где подавали завтраки. Денью занял столик прямо у стекла. Заказал кофе. Открыл книжку, которую так и не начал читать.

Через стекло он видел зал. Шведский стол. Туристы с тарелками. И её.

Она ходила между столами, собирала посуду в серый пластиковый таз, протирала столы, расставляла стулья. Быстро, ловко, как будто танцевала. Каждые несколько минут — он

заметил — она поднимала глаза и находила его через стекло. Он кивал. Она чуть-чуть улыбалась и шла дальше.

Он начал считать. Сам того не замечая. Сколько времени проходит между её взглядами. Три минуты. Две. Четыре. Пять. Три.

В восемь сорок она взяла пустое ведёрко для льда и пошла к служебной двери в глубине зала, за которой начиналась кухня.

Она обернулась на пороге. Нашла его глазами. Показала ведёрко — «за льдом». Он кивнул.

Дверь за ней закрылась.

Днём посмотрел на часы.

* * *

Холодильная комната была в самом конце кухни — за плитами, за мойками, за кладовой с мешками риса. Тяжёлая металлическая дверь с ручкой-рычагом и маленьким окошком, затянутым инеем. Нои ходила сюда за льдом каждое утро уже полгода. Она не любила это место — никто не любил: внутри было минус восемнадцать, гудел компрессор, и свет от единственной лампы под потолком был синим, мёртвым.

Она дёрнула рычаг. Дверь открылась с чмокающим звуком. Изнутри выкатилось облако морозного пара.

Нои шагнула внутрь.

Полки с мясом в плёнке. Коробки с креветками. Мешки со льдом у дальней стены. Она подошла к ним, присела, на-

чала насыпать лёд в ведёрко совком.

За спиной мягко щёлкнула дверь.

Нои обернулась.

Дверь была закрыта. Она никогда не закрывалась сама — тяжёлая, на тугой пружине, её всегда приходилось тянуть изо всех сил. А сейчас она стояла плотно прижатой к раме, и рычаг изнутри был опущен.

Нои встала. Подошла. Потянула рычаг вверх.

Не поддался.

Ещё раз. Двумя руками.

Рычаг не сдвинулся ни на миллиметр. Будто его кто-то держал с той стороны. Или с этой.

Лампа под потолком мигнула.

— Эй! — Нои ударила ладонью в дверь. — Эй! Откройте! Я здесь!

Кухня за дверью гремела кастрюлями, шипела, кричала. Её никто не слышал.

Лампа мигнула ещё раз. И ещё.

И погасла.

* * *

Темнота в холодильной комнате была не такой, как обычная темнота. Она была синей. Иней на стенах чуть светился сам по себе — слабо, как гнилушки в лесу. Компрессор гудел. Из рта шёл пар.

Нои прижалась спиной к двери. Руки у неё уже онемели от холода. Ведёрко со льдом выпало и покатилося по полу.

Глаза привыкали к темноте медленно.

Сначала она увидела полки. Потом — коробки. Потом — дальнюю стену, у которой лежали мешки со льдом.

На инее на этой стене кто-то писал.

Пальцем. Медленно. Прямо сейчас — она видела, как появляются буквы, одна за другой, как будто невидимая рука выводила их изнутри холода. Тайские буквы. Кривые, детские, торопливые.

Ўи

๕๑

๔๗

«Я. Жду. Его».

Нои не могла дышать.

Под надписью, у мешков со льдом, на полу, появились следы. Мокрые. Босые. Маленькие. Они вели от стены к ней. Один. Второй. Третий. Медленно. Иней под ними таял с тихим шипением, и на месте каждого следа оставалась лужица.

Четвёртый.

Пятый.

Следы остановились в метре от неё.

Нои чувствовала: там кто-то стоит. Прямо перед ней. Она ничего не видела — только синюю темноту и пар от собственного дыхания. Но она чувствовала. Холод, который был холоднее, чем морозилка. Запах — жасмин, стоячая вода, ржавчина. И звук.

Капли.

Кап. Кап. Кап.

С мокрых волос. На пол.

Что-то коснулось её щеки. Ледяное. Мокрое. Пальцы. Медленно провели по скуле, по подбородку, по шее — вниз, к вороту блузки. Туда, где под тканью висел амулет водителя.

И отдёрнулись.

Будто обжглись.

Амулет на груди вдруг стал горячим. Нои почувствовала, как он нагрелся — сквозь ткань, сквозь холод, — как маленький уголёк. И слышала тихий сухой треск. Как ломается старая глина.

Перед ней, в темноте, кто-то зашипел. Совсем рядом. У самого лица.

А потом — шёпот. Женский. Сквозь зубы. В самое ухо: — Здесь так холодно ждать... Восемь лет холодно... Останься со мной. Подожди со мной. Вдвоём не так холодно. Вдвоём не так долго. Останься. Останься. Останься.

Нои зажмурилась. Сжала амулет обеими руками. И закричала — изо всех сил, что у неё оставались:

— ДЕНЬЮ!

* * *

В кафе у стекла Денью смотрел на часы.

Восемь сорок четыре.

Четыре минуты. Он уже знал её ритм — за полчаса выучил. Лёд — это минута. Ну, полторы. Две, если болтает с поварами. А она не болтает с поварами. Она торопится, по-

тому что знает, что он смотрит.

Восемь сорок пять.

Он закрыл книжку.

Что-то было не так. Он не мог объяснить что. Просто внутри, под рёбрами, натянулось что-то — как тогда, ночью, когда матрас качнулся и стал пустым. То же самое чувство. Будто кто-то дёрнул за нитку, привязанную к сердцу.

Он встал.

Охранник у входа в ресторан шагнул ему навстречу — «Sir, restaurant only for...» — и отлетел в сторону, когда Деню просто прошёл через него, как через занавеску. Туристы за столиками обернулись. Кто-то из официанток вскрикнул. Деню шёл через зал к служебной двери — быстро, не бегом, но так, что люди сами отскакивали с дороги.

Служебная дверь. Кухня. Жар, пар, шипение, крики поваров на тайском. Кто-то схватил его за рукав. Он не остановился.

Где она?

Он не знал, где холодильник. Не знал кухню. Не знал ни одного слова по-тайски, кроме десятка, которым она его научила.

Но он знал, куда идти.

Он просто шёл туда, куда тянула нитка под рёбрами. Мимо плит. Мимо моек. Мимо кладовой.

Металлическая дверь в конце коридора. Окошко, затянутое инеем.

И изнутри — слабый, глухой, едва слышный сквозь металл удар ладонью.

Днём схватил рычаг.

Рычаг не двигался.

Он упёрся ногой в стену. Взялся двумя руками. И рванул — так, как не тянул ничего в жизни. Металл заскрежетал. Что-то с той стороны держало — он чувствовал это, как чувствуют чужую руку на канате, — держало сильно, зло, холодно.

— Отдай, — сказал он сквозь зубы. По-русски. Тихо. — Отдай. Её.

И рванул ещё раз.

Рычаг взлетел вверх. Дверь распахнулась так, что ударилась о стену.

Изнутри повалил белый пар.

А из пара прямо ему на грудь упала Нои — синие губы, белые пальцы, мокрые от инея ресницы, в руках зажат амулет. Он подхватил её. Прижал к себе. Развернулся спиной к холодильнику, закрывая её собой от того, что было внутри.

И увидел — через плечо, через пар, на одну секунду, — у дальней стены, под кривыми буквами на инее, фигуру.

Девушка. Маленькая. В мокрой короткой юбке и топе, какие носят в барах на Уокинг-стрит. Босая. Длинные чёрные волосы облепили лицо, и сквозь пряди он увидел глаз — один, белый, мутный, как у рыбы.

Она смотрела на него.

И улыбалась.

Потом лампа под потолком мигнула, загорелась — и у стены никого не было. Только мешки со льдом. Мокрые следы на полу. И надпись на инее, которая уже начинала таять.

* * *

Скандал был, конечно.

Прибежал старший повар, прибежала менеджер ресторана, прибежал охранник, у которого Денью снёс фуражку. Все кричали одновременно. Нои, закутанная в пиджак Денью, сидела на табуретке у плит, держала двумя руками стакан горячей воды — да, горячей воды, которую она ненавидела, но сейчас пила, потому что зубы стучали, — и переводила.

Дверь заклинило. Она не могла выйти. Пробыла внутри почти шесть минут. Он заметил, что её нет. Прибежал. Открыл.

Менеджер — строгая женщина в очках — посмотрела на Денью. На его руки: на ладонях содрана кожа о металл рычага. На дверь холодильника — рычаг погнут.

Потом посмотрела на Нои.

— Шесть минут при минус восемнадцати, — сказала она тихо. — Ещё десять — и мы бы тебя нашли на обходе в одиннадцать.

Помолчала.

— Иди домой, — сказала она. — Сегодня засчитаю. Иди. А когда Денью уже выводил Нои через служебный выход, менеджер вдруг окликнула её. Тихо. По-тайски. Так, чтобы

никто не слышал.

— Нои. Ты в каком доме живёшь?

Нои назвала.

Менеджер побледнела. Посмотрела на амулет у Нои на шее. На трещину, которая теперь шла через глиняную фигурку Будды сверху вниз, ровно посередине.

— Сходи в храм, — сказала она. — Сегодня. Не жди.

* * *

В храм они не попали.

Монах, к которому их направила бабушка Бунма, — старый хлуанг по, который, по её словам, «знает про воду», — уехал на церемонию в другую провинцию. Вернётся через три дня. Молодой послушник у ворот храма записал их имена в тетрадку, дал Нои две белые нитки, а Денью — одну, взамен лопнувшей сай син. Сам завязал их — три узла — и что-то пробормотал над каждой.

Потом сходил в маленькую пристройку и вернулся с двумя вещами.

Пластиковая бутылка из-под питьевой воды, в которой плавали лепестки жасмина и лотоса. น้ำศักดิ์ — святая вода. Хлуанг По освятил её перед отъездом, сказал послушник, — читал над ней сутры три часа.

И квадратный кусок белой ткани, исписанный красными знаками — квадраты, круги, тайские буквы, похожие на тех, что были нарисованы на потолке у таксиста. ผ้ายันต์. Защитный янт.

— Повесить над кроватью, — перевела Нои. — А водой — сбрызнуть порог и углы. И себя. Если она придёт — плеснуть в неё. Не убьёт. Но ей будет больно.

Денью взял бутылку. Повертел. Посмотрел, как кружатся лепестки.

— Святая вода против утопленницы, — сказал он задумчиво. — Логично.

— Три дня, — перевела Нои, когда они вышли. — Три ночи.

— Справимся, — сказал Денью.

Она посмотрела на его ладони. Содранные, в пластыре, который наклеила ей медсестра в отеле.

— Тебе больно.

— Нормально.

— Врёшь.

— Совсем чуть-чуть, — сказал он. — Пошли есть. Ты с утра съела два тоста. Это не еда.

Он купил ей курицу-гриль на палочках, клейкий рис в пакете, манго — она ела сидя на скамейке у храма, а он стоял рядом и следил, чтобы она съела всё. Потом купил ещё бутылку зелёного чая. Потом — новую гирлянду для домика духов у кондоминиума. Потом вторую бутылку красной фанты. Нёс всё сам, все пакеты, в содранных руках, и не дал ей даже воды.

Вечером она лежала у него на груди, а он гладил её по волосам. Медленно. Один и тот же путь — от макушки до кон-

чиков, снова и снова. Так глядят детей, которым приснился кошмар.

— Как ты узнал? — спросила она. — Что я там?

Денью долго не отвечал.

— Ты не посмотрела на меня через стекло, — сказал он наконец. — Четыре минуты. Ты всегда смотришь через двери. Я считал.

— Ты считал?

— Я всегда считаю, — сказал он. — С того дня, как тебя увидел. Сколько секунд ты смотришь на меня. Сколько минут не пишешь. Сколько часов спишь. Я не специально. Оно само. — Он помолчал. — А потом просто почувствовал. Как будто ты дёрнула за нитку. Вот здесь. — Он взял её руку и положил себе на грудь, под рёбра. — И я пошёл.

Нои ничего не сказала. Только прижалась щекой к его груди — туда, где под её ладонью ровно и сильно стучало сердце.

* * *

Около двух ночи над крышей кто-то закричал.

Не человек. Птица. Резкий, хриплый, скрежещущий крик — как будто кто-то провёл ножом по стеклу. Один раз. Потом ещё. Прямо над их окном.

Нои села на кровати. Лицо у неё было белым.

— Что это? — спросил Денью.

— иллал, — прошептала она. — Сова. Белая. Мама говорила... если она кричит над домом ночью — в этом доме

кто-то скоро умрёт.

Денью посмотрел на окно. Потом встал, взял бутылку со святой водой, открыл балконную дверь и, не говоря ни слова, плеснул воду в темноту — туда, наверх, откуда шёл крик.

Птица замолчала.

Он вернулся, закрыл дверь, лёг рядом и притянул её к себе.

— В этом доме никто не умрёт, — сказал он. — Я не решаю.

— Ты не можешь не разрешать сове.

— Могу, — сказал Денью. — Видишь — она заткнулась.

Нои засмеялась ему в плечо. Нервно, сквозь слёзы. Но засмеялась.

В три часа тринадцать минут в ванной включилась вода.

Нои проснулась от звука. Ровный, сильный шум — как будто кто-то открыл кран до упора. Денью уже сидел на кровати. Уже смотрел на дверь ванной. Его рука уже лежала поперёк неё, прижимая её к матрасу.

Из-под двери ванной на пол комнаты медленно выползала вода.

Тонкая тёмная полоска. Потом шире. Ещё шире. Она растекалась по плитке, к кровати, к чемоданам, и в свете уличного фонаря из окна блестела чёрным.

— Сиди, — сказал Денью тихо. — Держи амулет. Не вставай.

— Не ходи туда.

— Надо выключить. Иначе затопим нижних.

— Днём...

Он наклонился. Поцеловал её в лоб — быстро, крепко.

— Две минуты, — сказал он. — Считай. Если через две минуты я не выйду — беги к бабушке Бунме. Не ко мне. К ней. Обещай.

— Нет.

— Обещай.

— ...Обещаю, — соврала Нои.

Он открыл дверь ванной.

* * *

Внутри было темно и полно пара. Горячего, душного — хотя из крана должна была идти холодная вода, он сам перекрыл бойлер вечером. Ванна была полна до краёв и переливалась через бортик. Кран ревел.

Днём шагнул внутрь. Вода на полу была по щиколотку. Тёплая. Как кровь.

Он протянул руку к крану.

И увидел зеркало над раковиной.

Оно запотело целиком. А на запотевшем стекле — изнутри, с той стороны стекла, будто кто-то писал пальцем из зеркала наружу, — проступали буквы. Медленно. Одна за другой. Он не умел читать по-тайски. Но эти буквы он знал. Нои написала их ему однажды на салфетке в видеозвонке, смеясь, — «это я, запомни».

Её имя.

А под ним — линия. Длинная, горизонтальная. Медленно, с визгом, перечёркивающая имя.

Днём закрутил кран. Тот не поддавался — вращался вхолостую, а вода всё редела. Тогда он сунул руку в ванну, чтобы выдернуть пробку.

Вода была горячей. Чёрной. Он нашарил на дне цепочку пробки.

И в этот момент под водой что-то схватило его за запястье.

Пальцы. Тонкие, длинные, ледяные — посреди горячей воды. Сжали так, что хрустнули суставы. И потянули. Вниз. В ванну.

Днём упёрся коленом в бортик. Его рука ушла в воду по плечо. Лицо оказалось в двадцати сантиметрах от чёрной поверхности.

И из этой поверхности, медленно, как поднимается утопленник, всплыло лицо.

Женское. Белое. Распухшее. С открытыми глазами — белыми, мутными, без зрачков. Мокрые волосы колыхались вокруг него в воде, как водоросли. Губы шевельнулись.

Звука не было. Но он понял. Он прочитал по губам. На ломаном английском, на том английском, которым, наверное, она говорила с тем, кого ждала:

— You... came... back...

«Ты... вернулся...»

Днём перестал тянуть.

Он сделал наоборот — опустил вторую руку в воду, прямо к её лицу. И, глядя в эти белые глаза, сказал. Медленно. Твёрдо. По-английски, чтобы она поняла:

— I am not him.

«Я — не он».

Лицо в воде замерло.

— I am not him, — повторил Денью. — He is not coming. I am sorry. I am hers.

«Он не придёт. Мне жаль. Я — её».

Пальцы на его запястье разжались.

Лицо медленно, медленно опустилось обратно в чёрную воду. Глаза до последнего смотрели на него. Не зло. Удивлённо. Как будто ей впервые за восемь лет кто-то сказал правду.

Пробка вылетела у него в руке. Вода с рёвом ушла в слив. Кран замолчал сам.

* * *

Нои стояла в дверях ванной. Босиком в луже. С амулетом в кулаке.

Две минуты прошли давно. Она не побежала к бабушке Бунме.

Денью сидел на полу у ванны, мокрый по плечо, и смотрел на свою руку. На запястье, прямо поверх новой белой нитки из храма, медленно проступали синяки. Пять. Тонкие. Длинные. Следы пальцев.

Нитка из храма была цела.

— Ты обещала, — сказал он, не поднимая головы.

— Я соврала, — сказала Нои.

Он поднял на неё глаза. И вдруг засмеялся — тихо, устало, нервно. Встал. Прошёл через лужу. И обнял её — мокрый, дрожащий, тёплый, — так крепко, что у неё хрустнула спина.

— Что ты ей сказал? — шёпотом спросила Нои в его плечо. — Я слышала. По-английски.

— Правду, — сказал Денью. — Что я не он.

— И что она?

Он долго молчал.

— Она удивилась, — сказал он наконец. — Мне кажется, ей никто никогда этого не говорил. Все, кто тут жил, — бежали. Кричали. Уезжали. А она всё ждала. И никто ни разу не сказал ей, что он не придёт.

Нои подняла голову. Посмотрела на него.

— Тебе её жалко?

— Да, — сказал Денью честно. — Немного. — И его руки сомкнулись у неё на спине железным кольцом. — Но если она ещё раз тронет тебя — мне будет всё равно, жалко или нет.

* * *

Остаток ночи они провели у бабушки Бунмы.

Старушка открыла на первый же стук — в три двадцать, в ночной рубашке, — посмотрела на мокрого Денью, на босую Нои, на синяки на его запястье, и молча отступила в сторону. Постелила им циновку на полу у своего алтаря. Зажгла

благовония. Завязала каждому на запястье ещё по нитке — уже третьей.

Нои уснула сразу, как только легла, — у Денью на руке, лицом к алтарю, где горели палочки и улыбался маленький Будда.

Денью не спал.

Он лежал и смотрел в потолок. И думал о лице в воде. О том, как оно опускалось обратно. О глазах, которые до последнего смотрели на него — удивлённо.

И о том, что бабушка Бунма сказала про первую ночь: «Ни одна девушка не прожила в этой комнате дольше семи дней».

Сегодня была третья ночь.

Глава 4. Две Нои

Утром Денью вышел на балкон бабушки Бунмы за своей рубашкой.

Белая, та самая, в которой он собирался вести Нои в ресторан, — вечером он постирал её в раковине и повесил сушиться на перила. Ночью дождя не было. Небо было чистым, звёздным, сухим.

Рубашка висела на перилах мокрая насквозь. Тяжёлая. С подола капало. И пахла она не порошком — стоячей водой и увядшим жасмином.

А на плечах — там, где ткань обычно ложится на кости, — были две вмятины. Маленькие. Узкие. Как будто кто-то всю ночь стоял в ней.

Бабушка Бунма вышла на балкон следом. Посмотрела на рубашку. Ничего не сказала. Сняла её с перил двумя пальцами, как дохлую крысу, отнесла вниз, во двор, к железной бочке у мусорных баков. Полила чем-то из бутылки. И поожгла.

Денью смотрел сверху, как горит его единственная белая рубашка.

— Она её надела, — тихо сказала Нои у него за спиной.
— Бабушка же говорила. Не оставлять одежду на ночь.

— Я забыл.

— Я знаю. — Она обняла его сзади, прижалась щекой к

лопатке. — Я тебе куплю новую. Сегодня. После смены.

Потом бабушка Бунма вернулась и сварила им чжок.

Рисовую кашу — жидкую, горячую, с имбирём, с кусочками курицы и яйцом, сваренным всмятку прямо в каше. Без зелёного лука — Нои сама выловила его ложкой и переложила в тарелку Денью, не глядя, по привычке. Он съел. Не глядя. Тоже по привычке.

Бабушка Бунма посмотрела на это и впервые за всё время улыбнулась.

— Давно вместе? — спросила она.

— Год, — сказала Нои. — Но вместе — второй день.

Бабушка кивнула, как будто это всё объясняло.

Потом налила им чаю. И спросила то, от чего у Нои ложка застыла в воздухе.

— Он ей ответил? В первую ночь?

Нои медленно положила ложку.

Она вспомнила. Стук. Три удара. 03:13. И Денью, ещё сонный, садится на кровати — и громко, по-английски, в сторону двери:

«Кто там?»

Это было до того, как она успела сказать ему: не отвечай.

— Да, — прошептала Нои. — Он спросил: «Кто там?»

Бабушка Бунма закрыла глаза.

— Тогда комната ни при чём, — сказала она. — Она запомнила его голос. Теперь она не в комнате. Она — при нём. Куда он, туда и она.

Нои перевела. Шёпотом. Днём долго молчал.

— Это я виноват, — сказал он наконец.

— Ты не знал.

— Всё равно я.

— Днём. — Она взяла его руку — ту, на которой синели пять тонких синяков. — Ты не знал. Ты спросил, потому что хотел меня защитить. Ты встал между мной и дверью. Это не вина.

Он посмотрел на неё. Потом на свою руку в её ладонях.

— Тогда я тем более её отсюда не отпускаю, — сказал он тихо. — Пусть ходит за мной. Пусть. Главное, чтобы не за тобой.

— Она ходит за тобой, чтобы забрать меня, — сказала Нои.

И тогда он ничего не ответил. Только сжал её пальцы. Сильно.

* * *

Вторую смену он провёл не в кафе.

Менеджер — та самая, в очках — увидела его утром у входа в ресторан, посмотрела на его заклеенные ладони и на синяки, выглядывавшие из-под рукава. И молча кивнула официанту: поставь стул. В углу у служебного входа, за ширмой, где сотрудники пили кофе в перерыв, появился стул для Деню. Рядом — розетка для телефона.

— Только не мешай, — сказала она ему по-английски. — И если кто-то спросит — ты техник. Проверяешь холодиль-

ник.

— Я и правда могу проверить, — сказал Денью. — Я на технолога учусь.

Менеджер подняла бровь. Через час Денью разобрал заклинивший рычаг холодильной комнаты, вытащил оттуда погнутую пружину, показал старшему повару, где сорвана резьба, и объяснил на пальцах, какую деталь купить. Старший повар, который вчера кричал на него громче всех, после этого принёс ему тарелку жареного риса и похлопал по плечу.

Нои видела это краем глаза — пробегая мимо с тазом посуды. И каждый раз, пробегая, касалась его плеча. Просто так. Мимоходом. Кончиками пальцев.

В перерыв она села рядом с ним на перевёрнутый ящик. Он молча развернул её к себе спиной и начал разминать ей плечи — там, где за три часа с тазами всё задеревенело. Она закрыла глаза и прислонилась к нему.

— Девочки смотрят, — сказала она, не открывая глаз.

— Пусть смотрят.

— Они будут смеяться.

— Пусть смеются, — сказал Денью. — Я тебе массаж делаю, а не они. Кто смеётся, тот завидует.

Одна из официанток — молоденькая, с брекетами — проходя мимо, громко вздохнула и сказала что-то на тайском.

— Что она сказала?

— «Где таких дают», — перевела Нои. И впервые за день

засмеялась.

* * *

Вечером они переехали.

Денью сам так решил. Не из-за страха — из упрямства. «Пусть ходит за мной, — сказал он, — но не в той комнате, где она хозяйка. Пусть придёт ко мне в гости. Посмотрим, как ей понравится».

Отели в июле были забиты. Нои обзвонила двенадцать мест. Тринадцатое — маленький гестхаус на холме Пратам-нак, три этажа, двенадцать комнат, хозяин-немец с длинной седой бородой — сказал: есть одна комната, на одну ночь, может, на две.

Комната оказалась крошечной. Кровать, вентилятор под потолком, окно на джунгли. Без балкона. Без ванны — только душ.

Денью первым делом обошёл её всю.

Сначала — кровать. Он отодвинул её от стены, развернул и поставил заново, изголовьем к восточному окну. Нои смотрела с порога.

— Ты что делаешь?

— Бабушка сказала: не спать головой на запад. — Он сверился с компасом в телефоне. — Вот. Голова — восток. Ноги — запад. Так правильно?

Нои кивнула. Почему-то у неё щипало в глазах.

Он снял со стены маленькое зеркало и положил лицом вниз в шкаф. Завесил полотенцем дверцу шкафа — на ней

была глянцевая поверхность, в которой отражалась кровать. Перевернул лицом вниз телефон — Нои. Свой. Закрыв полотенцем экран выключенного телевизора. Потом посмотрел на чайник — металлический, блестящий — и повернул его носиком к стене.

Нои сидела на кровати и смотрела на это с открытым ртом.

— Ты чайник отвернул.

— В нём отражается кровать.

— Деню. Это чайник.

— Это отражающая поверхность, — сказал он серьёзно.

— Я не знаю, какие у неё правила. Поэтому убираю все.

Нои смотрела на него ещё секунду. А потом упала на спину на кровать и захохотала — до слёз, до икоты, держась за живот. Он стоял посреди комнаты с полотенцем в руках и делал обиженное лицо, но губы у него дрожали.

— Ты сумасшедший, — сказала она сквозь смех.

— Я внимательный, — поправил он. И лёг рядом.

Она перестала смеяться. Повернулась к нему. Провела пальцем по его брови. По скуле. По губам.

— Ты правда за меня боишься, — сказала она тихо. Не вопрос.

— Больше всего на свете.

— Больше, чем за себя?

— За себя я вообще не боюсь, — сказал он. — Я боюсь только одного. Проснуться — а тебя нет.

Она поцеловала его. Медленно. Потом ещё раз — уже не

медленно.

А потом она сделала то, чего он от неё не ожидал. Толкнула его в грудь — на спину, на подушку — и забралась сверху. Села. Нависла над ним, упершись ладонями ему в плечи, и волосы упали ему на лицо — её волосы, сухие, пахнувшие кокосом, тёплые.

— Ты три ночи не спишь, — сказала она. Глаза у неё блеснули. — Три ночи ты меня защищаешь. Носишь. Моешь. Кормишь. Ругаешься на сов.

— Я...

— Молчи, — сказала Нои. И закрыла ему рот ладонью. — Сегодня моя очередь.

Вентилятор крутился под потолком. За окном шумели джунгли, кричали гекконы — «^{св}тїиїї... ^{св}тїиїї...» — и Нои потом скажет, что считала их крики, и их было семь, а семь — к счастью. Но это будет потом.

А сейчас она целовала его. Сама. Медленно, долго, с той упрямой нежностью, которая была только у неё. Его лоб — разбитый о раму, заклеенный. Его глаза — красные, усталые. Его шею. Его плечи, на которых он таскал её пакеты. Его ладони — содранные, в пластыре, — она целовала каждый палец, по очереди, и он смотрел на неё снизу и не мог дышать.

Он потянулся к ней — она поймала его запястья и прижала к подушке. Над его головой. Обеими руками. Маленькими, тонкими, слабыми, — и он мог бы освободиться одним движением, и они оба это знали, и он не освободился.

— Не двигайся, — шепнула она. — Это приказ.

— Слушаюсь, — выдохнул Денъю.

Её футболка — его футболка — полетела на пол. Его — следом. Кожа к коже. Жар к жару. В крошечной комнате на холме, без зеркал, с чайником, отвёрнутым к стене, — только она, только он, только её волосы, её губы, её шёпот у самого уха, от которого у него шли мурашки по всему телу, — и в какой-то момент он всё-таки освободил руки, и она даже не стала притворяться, что против.

Она шептала его имя. Так, как не шептала никогда. И ему казалось, что он слышит его впервые.

Потом они лежали, переплетясь, мокрые от жары, и она уснула у него на груди, держа ладонь у него над сердцем.

А он смотрел в потолок и считал. По привычке. Удары её сердца. Сто двенадцать. Сто тринадцать. Сто четырнадцать.

Он не заметил, как заснул.

* * *

Проснулся он от её голоса.

— ที่รัก...

Тихо. Жалобно. Издалека.

Он открыл глаза.

Нои лежала рядом. Головой у него на плече. Тёплая, спящая, ровно дышащая. Её рука — на его груди.

— ที่รัก... ช่วยเค้าด้วย...

«Любимый... помоги мне...»

Голос шёл из душевой. Из-за закрытой двери. Её голос.

Её интонации. Её «คำ».

Денью не пошевелился. Посмотрел на телефон на тумбочке — экраном вниз. Не перевернул. И так знал, который час. Нои у него на плече открыла глаза.

Она услышала тоже. Он почувствовал, как напряглось её тело. Как сжались пальцы у него на груди.

— Это не я, — прошептала она. Очень тихо. — Денью. Я здесь. Это не я.

— Знаю, — сказал он.

— ที่รัก... — заплакал голос из-за двери. —
มันยังเค้าไว้ในนี้... มันเอาตัวเค้าไป... คนที่อยู่บนเตียงไม่ใช่เค้า...
ไม่ใช่เค้าละ...

Нои вцепилась в него.

— Что она говорит?

Нои не могла перевести. Губы не слушались. Она сглотнула. И перевела:

— «Она заперла меня здесь. Она забрала моё тело. Та, что на кровати, — не я. Это не я».

Денью медленно сел.

Дверь душевой открылась.

* * *

Из душевой вышла Нои.

Мокрая с головы до ног. В его футболке, той же самой, что была сейчас на Нои рядом с ним. Волосы облепили лицо. Босые ноги оставляли на полу лужи. Она плакала — по-настоящему, навзрыд, тем самым плачем, который он слышал

однажды по видеозвонку, когда у неё на работе случилось плохое, — и протягивала к нему руки.

— Деню... — сказала она по-русски. Его имя. С её акцентом. С её «ь», которое она никогда не умела выговорить. — Деню, пожалуйста... это я... посмотри на меня...

Нои на кровати вжалась в него спиной.

— Не верь, — сказала она. — Не верь ей.

— Не верь ей! — закричала Нои у душевой, показывая на кровать. — Это она! Она лежала с тобой! Пока я была там, в темноте, в воде! Ты не почувствовал? Ты же всегда чувствуешь!

Деню смотрел на них обеих.

Одинаковые. Совершенно. Те же глаза. Те же тонкие пальцы. Кольцо на пальце. Кривой хвост, который он завязал ей утром.

Он встал. Медленно. Задвинул Нои с кровати себе за спину — ту, что была тёплой. И сделал шаг к той, что стояла у душевой.

— Скажи, — произнёс он ровно. — Что первое в твоём списке?

Мокрая Нои всхлипнула.

— Овощи, — сказала она. — Номер один. Большими буквами.

Нои за его спиной замерла.

— Скажи ты, — не оборачиваясь.

— Овощи, — прошептала Нои за спиной.

Обе правильно.

— Как я тебя называю, когда ты злишься?

— Малышка, — сказала мокрая.

— Малышка, — сказала тёплая.

— Что было на завтрак у бабушки Бунмы?

— Чжок, — сказала мокрая. — И ты съел мой лук.

— Чжок, — сказала тёплая. — Ты съел мой лук.

Днём стоял между ними и чувствовал, как по спине течёт холодный пот.

Она слышала. Всё это время. Каждое слово. В лифте, в комнате, в храме, у бабушки, в постели. Она слушала их — и училась.

Мокрая Нои шагнула к нему. Ещё шаг. С неё капало.

— Днём, — сказала она. — Я замёрзла. Мне так холодно. Обними меня. Пожалуйста. Ты же обещал, что больше никогда не отпустишь.

Он смотрел на неё.

А потом сделал то, чего не ожидала ни одна из них.

Он подошёл к маленькому холодильнику в углу. Достал бутылку воды. Обычной. Пластиковой, полуторалитровой, ледяной, из «Севен». Открыл.

И повернулся к ним.

— Пить хочешь? — спросил он. — Ты вся горишь.

И протянул бутылку — между ними, ровно посередине.

* * *

Нои у него за спиной сморщилась.

Сразу. Не думая. Тем самым брезгливым движением носа, которое он видел тысячу раз — в видеозвонках, в ресторане, в аэропорту.

— Ыйа, — сказала она. — Не хочу. Ты же знаешь, я не пью воду. Дай зелёный чай. Или фанту.

Мокрая Нои у душевой смотрела на бутылку.

И её глаза изменились.

Он увидел это. Как зрачки расширились — во всю радужку, чёрные, бездонные. Как задрожали губы. Как она медленно, очень медленно потянулась к бутылке, и пальцы у неё тряслись — не от холода. От голода. От жажды. От той жажды, которая бывает у человека, умершего в воде, захлебнувшегося ею, — и восемь лет не могущего напиться.

Она выхватила бутылку у него из руки.

И начала пить.

Жадно. Захлёбываясь. Запрокинув голову. Вода лилась у неё по подбородку, по шее, по футболке — его футболке. Пластик трещал у неё в пальцах. Она не дышала. Пила и пила, глоток за глотком, и бутылка сминалась, сминалась, а вода всё лилась и лилась мимо рта, на пол, и её было больше, чем могло поместиться в бутылку.

Днём развернулся. Подхватил Нои — настоящую, тёплую, морщившую нос — на руки. Одним движением, как перышко.

И пошёл к двери.

За спиной раздался звук. Он не обернулся. Но Нои, у него

на плече, смотрела назад — и он почувствовал, как она окаменела.

Потом она расскажет ему, что видела.

Как вода из бутылки перестала литься. Как та, другая, медленно опустила пустой, смятый пластик. Как посмотрела им вслед — своим лицом — лицом Нои. И как это лицо начало стекать. Медленно. Как воск. Как размокшая бумага. Кожа поплыла вниз, к подбородку, открывая под собой другое лицо — белое, распухшее, с мутными глазами. И как это лицо улыбнулось.

— Ты угадал, — сказала оно. Голосом Нои. А потом — другим, своим. — В этот раз.

Днём вышел за дверь. Захлопнул её ногой.

И побежал вниз по лестнице.

* * *

Они просидели до рассвета в «Севен-Элевен» у подножия холма.

Под белым ярким светом, который не оставляет ни одной тени. Среди полок с чипсами и лапшой быстрого приготовления. Под гудение холодильников и тихую тайскую попсу из динамика. Сонный продавец за кассой, мальчишка лет девятнадцати, посмотрел на них — босых, растрёпанных, в одних футболках, в три тридцать ночи — и ничего не сказал. Только через полчаса молча принёс им два пластиковых стула со склада.

Днём купил ей зелёный чай. Холодный, сладкий, в бу-

тылке с зелёной крышкой. Себе — ничего. Нои пила маленькими глотками, держа бутылку двумя руками, сидя у него на коленях на пластиковом стуле, завёрнутая в его объятия.

Её трясло. Долго. Он не отпускал.

— Водой, — сказала она наконец. Голос был хриплым. И вдруг она засмеялась — нервно, сквозь слёзы. — Ты проверил меня водой.

— Ты единственная тайка на свете, которая не пьёт воду, — сказал Деню. — Мама твоя ругается. Врачи ругаются. Я ругаюсь. А ты — нет и всё. Даже когда жарко. Даже когда болеешь. — Он помолчал. — Она этого не знала. Это не говорят вслух. Это просто... видно. Если смотришь.

— А ты смотришь?

— Всё время.

Нои повернулась к нему. Посмотрела долго.

— Ты всё помнишь? — спросила она. — Всё, что я не люблю? Весь список?

— Шестьдесят пунктов, — сказал Деню. — Бананы — можно, запах бананов — нельзя. Кокос — только смузи. Сыр — нет. Лук — нет. Чеснок — нет. Мятные конфеты — нет. Когда исчезают без объяснений — нет. Когда кричат — нет. Когда не верят — нет. — Он помолчал. — Хочешь, дальше?

Нои не ответила. Она уткнулась лицом ему в шею. И он почувствовал, как его кожа стала мокрой. Тёплой. Живой.

Продавец за кассой сделал музыку чуть громче. И отвернулся.

* * *

На рассвете они вернулись в гестхаус за вещами.

Хозяин-немец ещё спал. Коридор был пустым и серым. Дверь их комнаты — закрыта, как Деню её захлопнул.

Он открыл.

Внутри было сухо. Никаких луж. Пол — чистый. Поло-
тенце на дверце шкафа, перевёрнутый чайник. Всё как было.

Только кровать.

На простыне, на той стороне, где спала Нои, темнело пят-
но. Мокрое. Большое. Оно повторяло очертания тела — пле-
чи, бёдра, раскинутые руки, голову на подушке. Как будто
кто-то лежал там, промокший насквозь, — долго, всю ночь,
— на её месте. Пока их не было.

А на подушке лежали волосы.

Две пряди. Одна — длинная, чёрная, тонкая, ещё влаж-
ная. Другая — её. Нои узнала свою прядь сразу: чуть коро-
че, чуть темнее у корней, с тем изгибом, который оставляет
резинка.

Две пряди были заплетены вместе. Аккуратно. В тонкую
косичку. Туго, плотно, как заплетают сёстрам.

Нои смотрела на подушку и не могла пошевелиться.

У Деню в кармане завибрировал телефон.

Он достал его. Новое сообщение. В LINE. Не от Нои, не от
мамы, не от сестры. Аккаунт без фотографии, только серый
кружок. Имя — тайскими буквами.

၈၈

Сообщение было одно. Короткое. Тоже по-тайски. Он не мог его прочитать. Протянул телефон Нои.

Она прочитала.

И уронила телефон на пол.

— Что там? — спросил Денъю.

Нои подняла на него глаза. Белые губы. Белое лицо.

— «อีกสามคืน», — сказала она. — «Ещё три ночи».

Глава 5. Столик на троих

— Мы идём на свидание, — сказал Денью.

Нои подняла голову от телефона. Она сидела на кровати у бабушки Бунмы — они вернулись к ней после гестхауса, потому что идти больше было некуда, — завёрнутая в полотенце после душа, с мокрыми волосами, и в сотый раз перечитывала то сообщение. «อีกสามคืน». Серый кружок вместо фотографии. Имя, от которого холодели пальцы.

— Какое свидание?

— Обычное. Ресторан. Свечи. Ты в платье. Я в рубашке. Музыка. — Он забрал у неё телефон, выключил экран и положил на полку, лицом вниз. — Год я мечтал сводить тебя в ресторан. Не в экране. По-настоящему. И я не позволю какой-то мёртвой девушке отнять у меня это.

— Денью...

— Она хочет, чтобы мы боялись. Чтобы сидели в углу, дрожали и считали ночи. — Он сел перед ней на корточки. — А мы пойдём ужинать. Назло.

Нои посмотрела на него долго. На синяки на запястье. На пластыри на ладонях. На красные от бессонницы глаза.

И вдруг улыбнулась.

— Назло, — повторила она.

* * *

Платье у неё было одно — привезённое на всякий случай,

лежавшее на дне чемодана в пакете. Светлое, лёгкое, на тонких бретельках, цвета кокосового молока. Она надевала его в ванной у бабушки Бунмы и долго не выходила.

Денью ждал у двери. В новой рубашке — светло-голубой, льняной, которую Нои купила ему после смены на рынке взамен сожжённой, торговалась за неё десять минут и сбила цену вдвое. Бабушка Бунма молча отобрала рубашку у него из рук и отгладила утюгом, пока Нои была в душе.

Нои вышла.

Он ничего не сказал. Вообще ничего. Просто смотрел.

— Что? — Она потянула бретельку. — Плохо?

Денью медленно покачал головой.

— Повернись, — попросил он.

Она повернулась. Медленно. Платье чуть качнулось.

— Я год смотрел на тебя в экране, — сказал он тихо. — В форме. В пижаме. С полотенцем на голове. Сонную. Злую. Плачущую. Я думал, что знаю, какая ты красивая. — Он сглотнул. — Я ничего не знал.

Бабушка Бунма, сидевшая у алтаря, громко хмыкнула и что-то сказала.

— Что она говорит? — спросил Денью, не отводя глаз.

Нои покраснела до ключиц.

— Что если ты так и будешь стоять с открытым ртом, мы опоздаем.

* * *

Ресторан Нои нашла сама — ещё полгода назад, в интер-

нете, и сохранила в закладках с подписью «когда он придет». На сваях над водой, в Бангсарае, в двадцати минутах на юг. Деревянный настил прямо над морем, столики с белыми скатертями, фонарики на верёвках и живая музыка по вечерам.

Ехали на скутере. Нои сидела сзади боком, по-женски, как ездят тайские девушки в платьях, — одной рукой придерживала подол, другой держалась за него. Днём ехал ещё медленнее, чем утром. На каждом повороте его рука на секунду опускалась с руля и ложилась на её колено. Проверял — на месте ли.

Дорога шла вдоль моря. Слева — тёмная вода с огнями рыбацких лодок. Справа — бесконечные лавки, массажные салоны, бары с неоном, домики для духов с гирляндами. Ветер был тёплым и пах солью. Нои положила подбородок ему на плечо, прямо на шлем, и смотрела на огни.

На красном светофоре у поворота на Бангсарай она увидела женщину.

Женщина стояла на обочине, под фонарём, у столба. Мокрая. Длинные волосы. Короткая юбка. Босая. Стояла и смотрела на дорогу — на них. Неподвижно.

Нои вцепилась в Денью так, что он вздрогнул.

— Что?

— Там... — Она показала. И замолчала.

Под фонарём никого не было. Только столб. И лужа под ним — свежая, блестящая. В сухой вечер, когда дождя не

было с утра.

Днём посмотрел на лужу. Потом обернулся к ней. Ничего не спросил. Только снял руку с руля, нашёл её ладонь у себя на талии и сжал.

Загорелся зелёный. Он поехал.

На следующем светофоре, через километр, под фонарём снова была лужа. Чуть ближе к дороге.

На третьем — у самого бордюра.

Нои больше не смотрела на обочины. Она закрыла глаза, прижалась лбом к его спине и считала его вдохи.

* * *

Ресторан был таким, как на фотографиях. Даже лучше.

Деревянный настил скрипел под ногами. Под ним, сквозь щели между досками, было видно море — чёрное, живое, плескавшееся о сваи. Фонарики качались на ветру. На каждом столике — свеча в стеклянном стакане и маленькая вазочка с жасмином. На маленькой сцене в углу пожилой мужчина в гавайской рубашке настраивал гитару, а девушка рядом с ним проверяла микрофон.

Официант — молодой, улыбчивый, с белым полотенцем через руку — провёл их к столику на самом краю настила, у перил, с видом на воду. Отодвинул стул для Нои.

И положил на стол три меню.

Нои посмотрела на меню. Потом на официанта.

— Нас двое, — сказала она по-тайски.

Официант растерянно моргнул. Посмотрел на третий

стул. На неё. На Денью.

— Простите, — сказал он. — Я думал... ваша подруга подойдёт.

— Какая подруга?

— Которая пришла с вами. — Официант показал на третий стул. — Она же сидела тут. Когда вы поднимались по лестнице. Я видел... в белом... — Он запнулся. — Мокрые волосы. Я думал, она из бассейна...

Нои медленно повернулась к третьему стулу.

Стул был пустым. Но сиденье — плетёное, из ротанга — было тёмным. Влажным. И на белой скатерти перед ним, у края, расплывалось маленькое пятно, как будто кто-то поставил мокрый локоть.

Денью встал.

Он ничего не стал спрашивать у официанта. Он взял третий стул за спинку — спокойно, как берут чужую сумку, которую забыли, — отнёс к соседнему пустому столику и поставил там. Спинкой к их столу. Потом вернулся. Забрал третье меню и отдал официанту.

— Two, — сказал он по-английски. Твёрдо. — Only two. Thank you.

Официант кивнул, побледнев, и ушёл.

Денью сел. Взял её руку через стол.

— Это наш ужин, — сказал он. — Наш. Её здесь не приглашали.

Нои смотрела на него. Её пальцы были ледяными. Он грел

их в своих ладонях, пока они не потеплели.

* * *

Они заказали. Она — курицу в зелёном карри на кокосовом молоке, клейкий рис, жареные куриные крылышки и шейк из кокоса. Без овощей. Денью проследил, чтобы официант записал «без овощей» дважды, и ещё раз переспросил по-английски: «No vegetables. Nothing green. Really nothing».

— В зелёном карри нельзя без зелёного, — сказала Нои. — Оно же зелёное.

— Пусть будет зелёное, — сказал Денью. — Главное, чтобы без зелени.

Нои засмеялась. Первый раз за вечер.

Себе он взял креветки на гриле и кальмара. Она смотрела, как он чистит креветку — неумело, ломая панцирь, пачкая пальцы, — и в конце концов отобрала у него тарелку и почистила все сама. Быстро, ловко, как дома.

— Ты же не ешь морепродукты, — сказал он.

— Я не ем. А чистить умею, — сказала Нои. — Мама научила. Открывай рот.

Он открыл. Она скормила ему креветку прямо с пальцев. Он поймал её пальцы губами. Она отдёргнула руку и покраснела. Пожилая пара за соседним столиком — немцы, судя по сандалиям с носками — переглянулась и заулыбалась.

Пока она чистила следующую, Денью откинулся на стуле, посмотрел на тёмное море, на огни лодок, — и, забывшись, засвистел. Тихонько. Ту самую мелодию, которую только что

играли на сцене.

Нои шлёпнула его по руке. Сильно. Так, что он ойкнул.

— Ыи! — Глаза у неё были круглыми. — Нельзя! Ночью нельзя свистеть! Бабушка же говорила! Ты их зовёшь!

— Прости, — сказал Денью. — Забыл. Я не...

Свеча на их столе погасла.

Без ветра. Просто — погасла. Фитиль задымился тонкой серой ниточкой.

Денью достал зажигалку — он не курил, но носил её с первого дня, «на всякий случай», с тех пор как бабушка Бунма сказала, что духи не любят огонь. Зажёг. Свеча загорелась.

Через секунду погасла снова.

Он зажёг ещё раз.

Погасла.

— Не надо, — тихо сказала Нои.

— Надо, — сказал Денью. И зажёг в четвёртый раз. И не убрал зажигалку — держал её рядом с фитилём, пламя к пламени, пока свеча не разгорелась. Пока огонёк не выпрямился и не замер — ровный, жёлтый, упрямый.

— Видишь? — сказал он. — Я тоже умею не сдаваться.

* * *

Музыка заиграла около девяти.

Сначала что-то весёлое — тайская попса, под которую подпевали официанты. Потом медленное — старый английский хит, и несколько пар вышли танцевать на пяточок у сцены.

— Пойдём, — сказал Деню.

— Я не умею.

— Я тоже. Пойдём.

Он вывел её за руку на середину. Положил её руки себе на плечи. Свои — ей на талию. И они просто качались. Медленно. Под чужую песню, на скрипучих досках, над тёмной водой. Нои положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Его сердце стучало ровно и сильно. Его рубашка пахла утюгом бабушки Бунмы и им самим.

— Я год мечтал об этом, — сказал он ей в волосы.

— О танце?

— О том, чтобы держать тебя и никуда не торопиться.

Песня кончилась. Гитарист поправил микрофон. Девушка-певица отошла попить воды.

И гитарист, не дожидаясь её, вдруг начал играть что-то другое.

Медленное. Тоскливое. Старое. Нои подняла голову. Она знала эту мелодию. Её все знали — песня лет пятнадцать назад звучала из каждого радио в каждом сонгтэо. Песня про девушку, которая каждый вечер стоит на берегу и ждёт лодку, которая не вернётся.

Гитарист пел. Тихим, хриплым голосом. Глаза у него были закрыты.

А девушка-певица стояла у стойки с бутылкой воды в руке и смотрела на него с недоумением. Как будто впервые слышала, чтобы он играл это.

Нои почувствовала, как Денью напрягся.

— Что? — шепнула она.

Он смотрел на воду. Через её плечо. Сквозь щели между досками настила, туда, где внизу, под ними, плескалось море.

— Не смотри вниз, — сказал он.

Нои посмотрела вниз.

Сквозь щель между досками, прямо у неё под ногами, в чёрной воде, она увидела лицо.

Белое. Запрокинутое. Глаза открыты. Мокрые волосы колышутся вокруг, как водоросли. Лицо было под водой, в метре под поверхностью. Неподвижное. И смотрело вверх. Прямо на неё. Сквозь доски, сквозь щель, сквозь подол её светлого платья.

И губы шевелились. Подпевали.

Нои не закричала. Она не смогла. Воздух застрял в горле. Денью поднял её. Просто — поднял на руки, прямо посреди танцпола, под взглядами немцев, официантов, всех. Прижал к себе так, чтобы её лицо оказалось у него на плече — подальше от досок, от щелей, от воды. И понёс к столику. Ровно. Спокойно. Не торопясь, как будто так и было задумано — как будто он просто устал танцевать и решил отнести свою девушку на место.

Немцы зааплодировали. Кто-то из официантов засвистел.

Гитарист допел последнюю строчку. Открыл глаза. И растерянно посмотрел на свои руки — как будто не помнил, что

играл.

* * *

Потом ей понадобилось в туалет.

Она долго терпела. Не хотела вставать от стола, не хотела отпускать его руку. Но шейк из кокоса и холодный чай сделали своё дело.

— Я с тобой, — сказал Деню.

— В женский туалет?

— До двери. И буду стоять у двери. Если что — кричи. Если не кричишь, но я ничего не слышу больше минуты — я захожу. Мне всё равно, что там женский.

— Деню...

— Минута, — сказал он. — Я считаю.

Туалет был в конце настила, в маленьком деревянном домике с табличкой. Внутри — две кабинки, раковина, зеркало над ней, тусклая лампочка. Пахло хлоркой и жасмином из освежителя.

Нои зашла в кабинку. Закрыла задвижку.

Тихо.

Где-то за стеной играла музыка. Плескалась вода под полом.

А потом в соседней кабинке кто-то заплакал.

Тихо. Жалобно. Женский голос. Всхлипы, прерывистые, как у человека, который плачет давно и уже устал.

Нои замерла.

Она не слышала, чтобы кто-то заходил. Когда она вошла,

дверь соседней кабинки была открыта. Пустая. Она видела.

Плач продолжался.

Нои медленно, очень медленно опустила глаза.

Под перегородкой между кабинками — щель, сантиметров двадцать. И в этой щели, на мокром кафельном полу соседней кабинки, она увидела ноги.

Босые. Белые. Мокрые. Пальцами к ней.

С них капало. Лужа медленно ползла под перегородку — на её сторону. К её туфлям.

Плач оборвался.

И в наступившей тишине голос из-за перегородки сказал — тихо, совсем рядом, почти ласково:

— เขาเต้นกับเธอ... เขาไม่เคยเต้นกับฉัน...

«Он танцевал с тобой... Со мной он никогда не танцевал...»

Мокрые пальцы показались из-под перегородки. Белые. Длинные. Медленно потянулись по полу к её ноге.

Нои рванула задвижку. Выскочила из кабинки.

И увидела зеркало.

В зеркале над раковиной отражалась она — бледная, с огромными глазами. А за её спиной, в отражении, у двери туалета, стоял Денью. В голубой рубашке. Улыбался.

Она обернулась.

Дверь была закрыта. В туалете, кроме неё, никого не было.

Она снова посмотрела в зеркало.

Денью в отражении всё ещё стоял за её спиной. Всё ещё

улыбался. Только улыбка была слишком широкой. Слишком. От уха до уха. И с его волос — светлых, сухих, — капала вода.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял настоящий Денью. Запыхавшийся. Бледный. С телефоном в руке, на экране которого бежал секундомер.

— Пятьдесят восемь секунд, — сказал он. — Ты не кричала. Но ты перестала дышать. Я слышал через дверь, как ты перестала дышать.

Нои бросилась к нему.

Он подхватил её. Развернул. Вывел наружу, спиной вперёд, закрывая её собой от двери, от зеркала, от всего, что там было. А на пороге обернулся сам. Посмотрел в зеркало.

В зеркале были только они двое.

И на кафельном полу — две лужи. Одна — у кабинки. Другая — за тем местом, где стоял отражённый он. В форме босых ступней.

* * *

Он не дал ей идти до столика. Нёс. Расплатился одной рукой, не глядя на счёт, оставил сдачу. Официант догнал их у лестницы и молча сунул Нои в руку гирлянду из жасмина — свежую, белую, тугую, — и сказал по-тайски:

— Это от заведения. Повесьте дома. Над дверью.

Потом посмотрел на Денью и добавил, уже тише, глядя в сторону:

— Она сидела с вами весь вечер. На том стуле, который вы унесли. Я видел.

* * *

Домой они ехали медленно.

На каждом светофоре, под каждым фонарём на обочине Нои видела лужи. Она уже не вздрагивала. Сидела, прижавшись к его спине, сцепив руки у него на животе в замок, и смотрела только на его затылок. На шлем. На светлые волосы, выбившиеся из-под него на шее.

У самого поворота к кондоминиуму Денью вдруг остановился.

Заглушил мотор. Слез. Снял шлем — с себя, потом с неё. Взял её лицо в ладони.

— Послушай меня, — сказал он. — Сегодня я хотел, чтобы у тебя был обычный вечер. Красивый. Как у всех. Платье, свечи, танец. И она отняла его. Опять.

— Не отняла, — сказала Нои.

— Отняла. Я видел твоё лицо в туалете.

— Не отняла, — повторила она упрямо. — Ты же видел её сам. Ты унёс её стул. Ты зажёл свечу четыре раза. Ты танцевал со мной. Ты поднял меня на руки при всех. — Её голос дрогнул. — Она плакала, Денью. Там, в кабинке. Она плакала, потому что с ней так никто никогда не танцевал. А со мной — танцевали. Это у меня был вечер. Не у неё.

Денью долго смотрел на неё.

Потом поцеловал.

Посреди пустой ночной дороги, у скутера, под фонарём, у которого не было лужи.

Сначала медленно. Потом — нет.

Он подхватил её под бёдра и усадил на сиденье скутера — она ахнула, платье задралось, она вцепилась ему в плечи, — и встал между её коленей, вплотную, и целовал так, будто они не на обочине шоссе, а одни во всём мире. Её губы. Её шею под ухом, где пахло жасмином от гирлянды. Ямочку над ключицей. Его ладони — на её спине, на голой коже над вырезом платья, горячие. Её пальцы — в его волосах, на его затылке, тянут к себе, ещё ближе.

Мимо проехал грузовик и длинно, весело посигналил.

Они не оторвались.

— Если бы мы были не на дороге... — выдохнул он ей в губы.

— Знаю, — прошептала Нои. — Поехали домой. Быстро.

— Я вожу как бабушка.

— Сегодня, — сказала она, — води как фаранг.

Когда он оторвался, она стояла на цыпочках, вцепившись в его голубую рубашку, и не могла отдышаться.

— Это был лучший ужин в моей жизни, — сказала она.

— Врёшь.

— Совсем чуть-чуть, — сказала Нои. — Самую капельку.

* * *

Дома у бабушки Бунмы был только один угол — за старой бамбуковой ширмой, у алтаря, на циновке. И бабушка Бунма

— в трёх метрах, по ту сторону ширмы, на своей кровати.
Им пришлось быть очень, очень тихими.

Это оказалось почти невозможно. Нои закусывала губу.
Потом его плечо. Потом подушку. Он шептал ей «тсс» в шею
— и от этого шёпота ей становилось только хуже. Цино-
вка шуршала. Ширма качнулась один раз, и они оба замерли,
глядя друг на друга в темноте круглыми глазами, — а потом
Нои уткнулась лицом ему в грудь и затряслась от беззвучно-
го смеха, и он тоже, и это было самое смешное и самое горя-
чее, что было у них за всю жизнь.

Бабушка Бунма за ширмой громко, демонстративно хра-
пела.

Слишком громко. И слишком ровно. Как храпят люди, ко-
торые всё слышат и великодушно делают вид, что спят.

Ночью, в 03:13, в дверь бабушки Бунмы не постучали.

Нои не спала — лежала на циновке у Денью на руке и жда-
ла. Он тоже не спал. Часы на его правом запястье светились
в темноте: 03:12. 03:13. 03:14.

Тишина.

03:20. 03:30.

Ничего.

— Может, она устала, — прошептала Нои.

— Может, — сказал Денью. И не закрыл глаз.

В четыре утра у него на часах беззвучно засветилось уве-
домление. Сообщение в LINE. Серый кружок.

Он не стал открывать. Повернул часы экраном к себе, про-

читал превью — тайские буквы, которые он уже научился узнавать, — и выключил экран.

Нои всё равно увидела.

«อีกสองคืน»

«Ещё две ночи».

А ниже — вторая строчка. Новая. Которой раньше не было:

«แต่คืนนี้ ฉันอยากให้เธอมีความสุข»

Нои перевела её про себя. И не сказала ему.

«Но сегодня я хотела, чтобы ты была счастлива».

Глава 6. Что прячет зеркало

Хлуанг По вернулся на шестой день.

Последняя смена Нои перед отпуском закончилась в три. В три пятнадцать Денью уже ждал её у служебного выхода со шлемом в руке. В три двадцать они ехали по шоссе за город, к храму, — и Нои впервые за неделю ехала, не глядя на обочины. Сидела, прижавшись к его спине, и думала только об одном: сейчас всё кончится. Сейчас старый монах скажет, что делать, и всё кончится.

Храм стоял в стороне от дороги, за рисовыми полями, за рощей старых деревьев с огромными стволами, обмотанными трёхцветными лентами — красной, жёлтой, зелёной. Под одним деревом стояли маленькие фигурки танцовщиц и бутылки красной фанты. «Там живёт нанг май, — шепнула Нои. — Дух дерева. Женщина. Мимо таких деревьев надо проходить тихо и просить разрешения». Золотые крыши. Белые стены. Собаки, спящие в тени. Тишина — такая плотная после Паттайи, что звенело в ушах.

Послушник, тот самый, что записывал их имена, узнал их сразу. Ничего не спросил. Провёл через двор, мимо колокольни, мимо статуи сидящего Будды, к маленькому деревянному домику в глубине, под деревом.

— Ждите здесь, — сказал он. — Хлуанг По спит после обеда. Он сам вас позовёт.

Они сели на скамейку в тени. Деню достал из рюкзака бутылку зелёного чая — уже открытую, чтобы ей не надо было крутить крышку, — и протянул ей. Потом достал маленькое полотенце, намочил его водой из своей бутылки и положил ей на шею сзади. Было жарко — тридцать четыре, и Нои после восьми часов на ногах была бледной, как бумага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.